

ТРАГЕДИЯ ВОЙНЫ

Гуманитарное измерение
вооруженных конфликтов XX века

Ответственный редактор
К. А. Пахалюк

ЯУА
МОСКВА
2021

«ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ»: ВОСПОМИНАНИЯ МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА МИЛИЦИИ И. Я. ШНЕЕРА О БОРЬБЕ С ЛАТЫШСКИМИ «ЛЕСНЫМИ БРАТЬЯМИ» (1946—1949 гг.)

Вступительная статья, комментарии и публикация А. И. Шнеера (Израиль)

Мой отец Илья Яковлевич Шнеер родился в 1928 году в г. Лудза в Латвии. Его отец Яков работал наборщиком в типографии, мать Роза — домохозяйка. 30 июня 1941 г. 13-летний мальчик с родителями и братом бежали из Латвии. От рук местных убийц в разных городах Латвии погибло более 60 родных, оставшихся в оккупации. Его старший брат Арон родился в 1922 г., работал электриком, принимал участие в подпольном коммунистическом движении в Латвии, член МОПР (международная организация помощи рабочим), комсомолец. В 1940—1941 гг. был бойцом батальона рабочей гвардии г. Лудза. Арон Шнеер в августе 1941 г. добровольцем вступил в Латышскую стрелковую дивизию, которая формировалась в Гороховецких лагерях Владимирской области. В декабре 1941 г. сражался за Москву, был ранен под Наро-Фоминском. После госпиталя направлен в военное училище в Уфе, однако недоучившихся курсантов отправили на защиту Ленинграда. Командир отделения старший сержант Арон Шнеер погиб в бою 1 сентября 1942 г. у поселка Синявино Мгинского района Ленинградской области¹.

Папа начал работать в 13 лет в колхозе села Крутец Бутурлинского района Горьковской области, куда его и родителей привели дороги бегства из Латвии. Папа выучил русский язык в колхозе. Там же он вступил в комсомол. В 15 лет был мастером спичечного цеха. Под его началом было около двух десятков таких же детей, как и он. В 16 лет, в декабре 1944 г. с родителями вернулся в родной город. В 17 лет вступил в истребительный батальон, сражался с местными бандгруппами — «лесными братьями» — в Латвии. В 1946 г. папу направили на учебу в Рижскую двухгодичную школу оперативных сотрудников МВД. В 1948 г. младший лейтенант Илья Яковлевич Шнеер направлен на работу оперуполномоченным по Звиргзденской волости в отдел борьбы с бандитизмом. О том, что он работал хорошо, свидетельствуют четыре благодарности в трудовой книжке. В сентябре 1949 г. в период борьбы с космополитизмом папа был уволен из органов. Это было для него большой травмой, он тяжело переживал незаслуженное

¹ Сегодня его имя под номером 5683 выбито на плите братской могилы в поселке Синявино Ленинградской области.

увольнение. И все-таки жизнь продолжалась. Он окончил строительный техникум, работал инженером, главным инженером в строительных организациях Лудзы, Резекне, Риги до середины 1980-х гг. В 1990 г. наша семья переехала в Израиль, в Иерусалим. И там папа не чурался никакой работы: мыл посуду в одной из иешив, устроился сантехником, а потом работал до 84 лет охранником в театре, магазине, банке.

Все эти годы папа писал о пережитом. Воспоминания, написанные им, охватывают период с 1940 г. до конца 1970-х гг. Сохранились пять общих тетрадей. Я предлагаю к публикации главы или фрагменты из них о бегстве из Латвии в июне 1941 г., жизни в эвакуации, его учебе в школе МВД и последующей работе в милиции. Папа начал свою первую тетрадь потрясающей строкой: *«Для меня все написанное — это жизнь, а для моих детей и внуков — это история»*. Вторая тетрадь начинается у папы словами: *«В моем дневнике гораздо больше, чем ничего, но меньше, чем хотелось бы»*. Папа ушел из жизни в апреле 2016 г.

Отобранные фрагменты посвящены и борьбе с т.н. «лесными братьями». К октябрю 1944 г. большая часть Латвии была освобождена от немецких войск, но они до 9 мая 1945 г. удерживали Курляндию — западную часть Латвии. После войны положение в Латвии, как и во всех прибалтийских республиках, Западной Украине и Белоруссии, было сложным. Советской власти, органам НКВД, советским военным подразделениям приходилось сражаться с национальным подпольем и созданными им многочисленными бандгруппами. В Латвии в основном численность каждой из них составляла 10–20 человек, лишь в двух документах НКГБ упомянуты отряды в 150 и 270 человек¹.

Группы вооруженных националистов, действовавших в лесах, называли *Meža brāļi* («Межа брали») — «лесные братья» (национальные партизаны — в сегодняшней Латвии). Некоторые из этих групп продолжали скрываться и действовать до середины 1950-х гг. Основным методом борьбы был террор против советских и партийных работников, руководителей колхозов, советских активистов, военнослужащих — всех тех, кто сотрудничал с советской властью. Нападения совершались на советские учреждения, сельсоветы, отделения милиции, во время проводимых выборов — на выборные участки. Постепенно политический терроризм стал сочетаться с уголовными действиями. «Лесные братья» грабили мирное население, крестьян, колхозников, сельские магазины, кооперативы.

В составе «лесных братьев», особенно в первые послевоенные годы, большинство составляли лица, сотрудничавшие с немецкими оккупантами

¹ НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сборник документов / Сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. М., 2008. С. 152.

в 1941–1945 гг.: бывшие полицейские, айзсарги¹, военнослужащие полицейских батальонов, а также 15-й и 19-й латышских дивизий СС. Особенно много их было в Курземе, где до 20–25 мая 1945 г. продолжались бои с остатками немецких сил и пособников, оказавшихся в Курляндском котле. Не желавшие сдаваться в плен ушли в леса. У большинства этих первых «лесных братьев» руки были по локоть в крови советских граждан. Именно они возглавляли бандитов. Руководителями многих бандгрупп были люди, прошедшие специальную подготовку в разведшколах или на офицерских курсах.

Например, одной из бандгрупп в Курземе руководил Леонс Крустс. Во время войны он служил в 267-м латышском полицейском батальоне, который в 1942–1943 гг. участвовал в антипартизанских операциях в районе Новосокольники и Себежа, сражался в оборонительных боях вместе с 35-й немецкой полицейской дивизией СС против наступающей Красной Армии. Крустс прошел подготовку в разведывательной диверсионной школе СС Ягдфербанд Остланд и стал командиром диверсионной группы. После капитуляции войск Курляндского котла возглавил бандгруппу. Был схвачен 10 июня 1946 г. и приговорен к расстрелу².

В мае 1945 г. отряды, действовавшие на территории Вилякского, Валкского и Лудзенского уездов, объединились в Национальное объединение националистов Латвии. Этой организацией лишь в 1945 г. было совершено более 300 террористических нападений³. В 1945–1946 гг. в результате «бандпроявлений» были убиты 32 сотрудника МВД и МГБ, 68 работников милиции, офицеров и рядового состава войск МВД и Советской Армии. Лишь в 1946 г. убито 62 бойца истребительных батальонов, 211 человек из совпартактива, 439 других граждан. Кроме того, при проведении операций по ликвидации бандгрупп в 1945–1946 гг. погибли 21 работник МВД и МГБ, 108 сотрудников милиции, 96 бойцов истребительных батальонов, 8 совпартактивистов⁴. Националисты тоже несли серьезные потери. Только убитыми за 2,5 года они потеряли 1 478 человек⁵.

¹ Айзсарги (aizsargs — защитник) — военизированная добровольная националистическая организация в Латвии, созданная в 1919 г. Состояла из 19 полков, были отдельные формирования — железнодорожные, морские и авиационные. Вместе с женскими и детскими организациями насчитывала к 1940 г. около 68 тыс. человек. Была разоружена и распущена решением народного правительства Латвии 8 июля 1940 г. Многие члены организации были репрессированы. Во время немецкой оккупации большинство айзсаргов активно сотрудничали с нацистами. Создавали отряды самообороны, служили в местной полиции, полицейских батальонах, в 15-й и 19-й латышских дивизиях СС.

² No NKVD līdz KGB: politiskās prāvas Latvijā 1940–1986: noziegumos pret padomju valsti apsūdzēto Latvijas iedzīvotāju rādītājs. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 1999. L. 39. *Strods H. Latvijas nacionālo partizānu karš* III. Dokumenti, arceņģumi un atmiņas 1944–1956. LV fonds. Rīga 2003. L. 339.

³ НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем... С. 153.

⁴ Там же. С. 154. Первоисточник: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 22, 25, 27.

⁵ Там же.

Новое пополнение приходило к ним из числа тех, кто скрывался от призыва в советскую армию либо дезертировал из нее. С 1947 г. группы «лесных братьев» пополнялись крестьянами, недовольными проводимой коллективизацией. «Лесные братья» были хорошо вооружены, как правило, немецким оружием. Они пользовались поддержкой местного населения. Им помогали родственники, которые обеспечивали бандитов продуктами и информацией о появлении оперативных и войсковых подразделений в районах дислокации бандгрупп. Поддерживала последних и часть интеллигенции, а также некоторые учащиеся школ и студенты. Борьба была жестокой. Кроме органов и подразделений НКВД с «лесными братьями» вели борьбу добровольные истребительные взводы, роты из числа местных жителей — бывших фронтовиков, партизан, комсомольцев и коммунистов, советских служащих. Лишь массовая депортация крестьянства в марте 1949 г. подорвала физическую, материальную базы и информационную структуру поддержки «лесных братьев» в Латвии.

Для подготовки профессиональных милицейских кадров, на плечи которых легла значительная часть борьбы с бандформированиями националистов, в Риге в 1946 г. была создана двухгодичная школа милиции. В ней готовили оперативных сотрудников, участковых уполномоченных. Начальником школы был назначен Эдуард Карлович Захарьят, в годы войны командир артиллерийского полка 308-й гвардейской латышской дивизии, кавалер пяти боевых орденов¹. Заместителем по учебной части стал подполковник милиции Никита Сидорович Струев², начальником политчасти — подполковник Александр Васильевич Жаврис³. Именно в эту школу и был направлен мой отец.

Отрывки из воспоминаний публикуются на основе оригинальных рукописных тетрадей, сохранившихся в семейном архиве публикатора. Фрагменты воспроизводятся в хронологическом порядке, стилистика сохранена, орфография и пунктуация приведены к современным нормам. Знаки <...> обозначают вырезанный текст. Названия главок даны публикатором.

¹ *Зенс П.* Вместе с народом. Рига, 1974. С. 134–135. Захарьят Э. К. Родился в 1905 г. в Ковно (Каунас). В Красной Армии с 1927 г. Награжден орденом Красного знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степени. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=1266080644&tab=navDetailManCard> (дата обращения: 01.09.2020).

² *Зенс П.* Указ. соч. С. 135. Струев Н. С. родился в 1902 г. в городе Старый Оскол. Награжден орденом «Знак Почета» и медалью «За боевые заслуги». URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=1113324285&tab=navDetailManUbil> (дата обращения: 01.09.2020).

³ *Зенс П.* Указ. соч. С. 135. Жаврис А. В. родился в 1905 г. в Латвии. В Красной Армии с 1940 г. Участвовал в обороне Сталинграда. В 1945 г. заместитель командира по политчасти 743-го истребительного противотанкового дивизиона 3-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса. Участник ликвидации Курляндского котла. Награжден: орденом Красной звезды и Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Сталинграда». См.: URL <http://podvignaroda.ru/?#id=1268622219&tab=navDetailManCard> (дата обращения: 01.09.2020).

**«...ребенок стоял и плакал около женщины»
1941 г., бегство из Латвии**

Наступают страшные дни и ночи. Папа¹ убеждал, что война обойдет стороной. Даже эшелоны с литовскими беженцами, которым мама² и другие женщины-еврейки носили на вокзал еду, а после этого рассказывали страшные истории о зверствах немцев и литовцев, не могли убедить его покинуть город. 27 июня бомбили Лудзу³. Самолеты, казалось, заденут крышу трехэтажной тюрьмы, стоявшей напротив дома. Выли они так страшно, что я спрятался в погреб и залез в пустую бочку, плакал, размазывал слезы и бормотал: «Готиньке таиренькер майнер, ратовет мир»⁴. Но, как оказалось, это было еще не самое страшное. Страшное началось позднее. Но до этого приехали из Резекне на тарантасе, запряженном отличным рысаком, мамины братья. Они убеждали перебраться к ним, всем вместе переждать войну, которая закончится быстро и, конечно, победой «ди рейте»⁵, а если нет, то и с немцами можно жить, как жили в 1918 году.

Это было 28 июня. И тут пришел Алик⁶. Он с началом войны вновь надел форму рабочегвардейца: синие гимнастерка и галифе, синяя фуражка с красной звездочкой. Брат положил конец сомнениям. За 6 дней войны он и его товарищи уже получили «боевое крещение». Во время патрулирования они уже были обстреляны кем-то из тех, кто ждал немцев.

Усталый, с покрасневшими глазами, невысокий, крепкий, сидел, поставив между колен винтовку, опершись на нее руками. Сказал, что уходит в Россию: «Если вы со мной, уходить надо немедленно: немцы займут Лудзу — будет поздно». Мама тотчас сказала: «Куда ты, туда и мы». Так мы впервые попытались уехать из Лудзы вместе с другими беженцами на лошадах, в телеге со многими вещами. Доехали до местечка Иснауда⁷, воз-

¹ Шнеер Яков — отец Ильи Шнеера.

² Шнеер Роза — мать Ильи Шнеера.

³ Лудза (Люцин до 1920 г.). Расположен в Латгалии — восточной части Латвии. Первое упоминание в Ипатьевской летописи относится к 1177 г. Входил в состав Ливонского ордена, по несколько лет местным замком и территорией владели Швеция, Московское царство, 90 лет входил в состав Речи Посполитой. С 1772 г. до декабря 1917 г. в составе России. С января 1920 г. в составе Латвийской Республики. В городе побывали шведский король Густав II Адольф, польский король Стефан Баторий, царь Алексей Михайлович, императрица Екатерина II В Лудзе родились герой войны 1812 г. генерал Я. П. Кульнев (1764—1812), герой Гражданской войны в Сибири, кавалер трех орденов Красного Знамени И. Я. Строд (1894—1937), советский писатель Л. И. Добычин (1894—1936), художник-супрематист И. Г. Чашник (1902—1929), известный режиссер-кинодокументалист Герц Франк (1926—2013), основатель советской виктимологии профессор Лев Франк (1920—1978).

⁴ «Боженька, дорогой мой, спаси меня» (идиш).

⁵ «Красных» (идиш).

⁶ Арон Шнеер (1922—1942) — старший брат Ильи Шнеера. Домашние звали Арона «Алик».

⁷ Иснауда — маленькая деревня (сегодня живет 31 человек) в 5 км к юго-востоку от Лудзы.

ница отказался вести дальше, пришлось сойти и нас подобрали военные автомашины. Мы сели на одну из машин, наши вещи закинули в другую. По дороге бомбили, но мы уцелели. Доехали до границы у местечка Зилупе¹. Там машину с нашими вещами пропустили через границу, а нашу почему-то остановили. Пограничники объяснили, что пока от Сталина не будет приказа пропускать латышских граждан — мы вас не пропустим². Уже стало пасмурно, темно, и брат сказал: «будем ждать в лесу, может проявиться». Первые испытания, первые мытарства: пищи нет, одежды с собой нет. Подъезжали и подходили люди. Появились лудзенские милиционеры на грузовой машине. Ночью мы заметили среди беженцев много литовцев-евреев, и мы к ним присоединились. Все прятались в лесу при границе на стороне Латвии. Граница СССР для нас была закрыта.

Утром лудзенский милиционер Иван Гржибовский подошел к нам и сказал, что немцев остановили у Резекне³ (25 км от Лудзы) и милиция возвращается в Лудзу. Если мы хотим — можем возвращаться с ним. Так мы вернулись. По дороге мы увидели на подводе дядю Моше, тетю Цилю, Башеву⁴, которые стояли около Иснауды. Мы помахали им рукой, автомашина не остановилась. Это была последняя мимолетная встреча с ними. По дороге было много подвод с беженцами. И так, это было 1 июля, приехали домой, наш сосед Чилипенек дал нам хлеб, молоко, яйца, яблоки. Мы поели и легли спать. Проснулись утром — в городе паника, никого из милиции не было, только несколько военных машин и танки. Мы пошли к бабушке и тете Фриде — их тоже не оказалось дома. Вернулись домой. Вдруг вбегает Чилипенек и кричит: «Что вы сидите? Никого в городе нет, уходите. Немцы в Резекне». Знакомый извозчик Эдик Коновалов за пятилатовик (серебряная монета в досоветской Латвии) — рубли брат отказался, а мать

¹ Зилупе (до 1931 г. Розеново) — город на востоке Латвии, в 3 км от границы с Россией.

² Беженцы из территорий, ставших советскими в 1939–1940 гг., столкнулись с тем, что старая граница и после присоединения Западной Украины, Белоруссии, республик Прибалтики к СССР продолжала существовать и охранялась пограничниками. Однако, судя по всему, в июне–июле 1941 г. все зависело от оперативной военной обстановки. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что в некоторых пограничных пунктах советские пограничники продолжали требовать разрешение на пересечение границы и ждали указания вышестоящего руководства. Тем более что эти «новые граждане» СССР не имели советских паспортов. В прежние паспорта Латвии, Литвы, Эстонии летом 1940 г. была сделана печать по-русски: «паспорт выдан». Тысячи беженцев, особенно евреев, западных территорий скопились в районах старой границы. Многие возвращались обратно. В районе Себежа на старой границе между Латвией и Россией на несколько дней были задержаны тысячи латвийских и литовских евреев — в итоге большинство вернулось назад. Границу в первую очередь разрешалось перейти организованным эвакуированным работникам предприятий, различных советских и партийных учреждений, а также неорганизованным беженцам, если они были членами партии и комсомола, порой включая их семьи. Именно это и произошло с семьей Шнеер.

³ Резекне (†Розиттен, Режица до 1917 г.) основан в 1285 г. В 25 км к западу от Лудзы.

⁴ 17-летняя двоюродная сестра автора воспоминаний.

припрятала несколько серебряных монет — согласился довести до Пилды¹. Погрузились, брат рядом на велосипеде.

Коновалов нас потом высадил, мы взяли какие-то вещи и пошли в сторону Циблы — Гольшево². Никакой связи с нашими родными дядьями, тетями, бабушкой и их семьями не было. Так мы с ними расстались навечно, не зная, что их всех расстреляют...

3 июля мы — брат Алик, папа, мама и я — дошли до Гольшево около латвийско-советской границы. Опять не пропускают. Брат прорвался к какому-то офицеру, показал комсомольский билет. Это и спасло. Правда, винтовку пришлось сдать, иначе не пропускали через болотную границу. Много скопилось народу, пожарная машина из Лудзы с пожарниками и семьями не смогла проехать через болото и ее оставили. Появился милиционер Самушев верхом на лошади, с несколькими мешками наперевес спины лошади. Увидел нас, предупредил, что он еле выехал из Лудзы. Он нас озадачил, сказав, что сомневается, успеем ли мы убежать от немцев. Они уже в городе. И ускакал. Алик предложил папе и маме бросить все взятые с собой вещи. Меня он посадил на велосипед, и мы все быстро, как могли, пошли по дороге Опочка — Красногородск³. По дороге у Красногородска мы увидели стадо коров, которых гнали несколько человек вглубь России. Алик остановил нас и предупредил: «пропустить стадо, так как их заметят немецкие самолеты и могут начать бомбить».

Часа полтора переждали, стадо ушло, а мы прятались в лесу. В это время появились солдаты-красные, кто-то из них сказал, что получен приказ от Сталина не пропускать фашистов и организовать бой, задержать их. Солдаты нас накормили, и мы пошли дальше. Прошли км 5–6 и увидели первую страшную картину: побоище. Весь скот лежал расстрелянный, в основном все были мертвые, а некоторые полуживые мучились, а главное, мы увидели страшное зрелище: мы увидели, как ребенок стоял и плакал около женщины. Запомнилось: на ней была юбка, ноги в сапогах, страшное — лежала с оторванной головой... Рядом в поле и на дороге лежали и другие люди, которые гнали скот. Это я запомнил на всю жизнь. Было страшно, но какие-то силы нас гнали быстро вперед. Так мы добрались до Красногородска. Город горел, было страшно, но мы успели пройти большой мост через реку шириной метров 300–400 до того, как началась бомбежка и мост взорвался. Но мы были уже за мостом и лежали головами вниз в канаве. Алик не давал нам даже шевельнуться. Опять много убитых и раненых рядом

¹ Пилда — деревня в Лудзенском районе. В 17 км от города Лудза.

² Цибла — деревня в 12 км к северо-востоку от Лудзы. Гольшево — поселок, около 40 км на северо-восток от Лудзы на реке Лжа, на самой границе с Россией. В отличие от первой попытки бегства на юго-восток в сторону Зилупе, во второй раз семья Шнеер двинулась на северо-восток.

³ Опочка — город в Псковской области, основан в 1464 г. Красногородск — город на западе Псковской области, основан в 1414 г.

с нами, но слава Богу, мы были целы. После налета слышны были только крики и стоны раненых. Помощи им никакой: все оставшиеся поднимались и опять бежали вперед на Опочку.

Алик посадил меня на раму велосипеда, а папа и мама продолжали идти. Появились советские танкетки и несколько грузовиков. Мы подняли руки — стали голосовать, одна танкетка остановилась. Выглянувший из нее офицер-танкист (по-моему, он был грузин) спросил, откуда мы и куда идем. Папа ответил, что мы из Латвии, г[ород] Лудза. Танкист ответил, что Лудзу сдали, теперь здесь у Опочки будут бои, а мы едем в Локню¹ и можем вас подвезти. Алик попросил офицера взять нас с собой в одну машину и разрешить захватить велосипед. Офицер дал команду нескольким красноармейцам пересесть в другую машину, а нас посадили вместе. Примерно через полчаса опять бомбежка. Танкетки и грузовик с нами круто свернули в лес. Мы вместе с солдатами выскочили из машины и легли на землю, закрыв голову руками. Опять пронесло. Продолжили путь до Опочки. В Опочке нас высадили.

Зашли в один из домов, спросили у хозяев разрешения оставить велосипед, а брат — и свою кожаную куртку. Попросили их сохранить, пока мы узнаем обстановку, и пошли раздобыть еду. Заглянули в один дом, там жил еврей-кузнец. Дал он нам немного хлеба, масла, крупы, отварную картошку, а мне подарил сандалии. Он сказал, что никуда не пойдет, останется в Опочке. Мы его уговаривали, чтобы он уходил с нами, — немцы скоро будут здесь. Но он нас благословил — религиозный, видно, — и сказал: если вы ушли из дома, продолжайте путь до конца. Так мы и расстались. Вернулись в дом, в котором оставили куртку и велосипед. Велосипед нам вернули, а кожаную куртку мы не нашли. Какой-то мужчина с ружьем в руках предупредил, что, если мы войдем в комнату, он убьет нас.

Для конфликта времени не было. Мы ушли, взяв только велосипед. И так было легко идти без всяких вещей, только велосипед и авоська с едой, которую дал старый еврей-кузнец. Только мы отошли от Опочки — налетели опять немецкие самолеты. Мы побежали от дороги в сторону леса, там оказалась большая яма, мы легли в нее и ждали. Бомбили Опочку. Виден был дым, пламя, горели дома, они были в основном деревянные. После бомбежки на дороге появилась колонна военных автомашин. Мы выбежали и опять стали голосовать. Одна грузовая остановилась и взяла нас. К утру добрались до города Локня. Мы быстро пошли на станцию. Это было 4 июля. Нас предупредили, что отходит последний эшелон с беженцами. Эшелон — открытые платформы. Увидели, что на всех платформах битком сидят, стоят, лежат женщины, молодые, старики, дети. Мы не могли сразу подняться — мешал велосипед. Бросили и его. Кое-как забрались на платформу. Алик нас всех поднял, так как платформы были высокие, и впахнул нас прямо под ноги людей. А сам стоял на краю платформы у борта. Мы присели на

¹ Локня — поселок в Псковской области.

полу. Около 12 часов состав тронулся. Только состав набрал скорость, как появились немецкие самолеты. Они начали бомбить. Поезд остановился. Все побежали в лес прятаться. Остановка была долгой. Несколько зенитных пулеметов, стоявших на одной из платформ, стреляли по самолетам. Появились в небе и советские самолеты. Завязался бой. Один самолет на наших глазах был сбит. Чей это был самолет, наш или немецкий, не знаю.

Через несколько часов мы как могли забрались на платформу, и поезд тронулся. Но народу было уже меньше, так как было много убитых, оставшихся в поле.

Была большая паника, старики молились, дети кричали и плакали, на платформах были и раненые. Одним словом, началось на глазах большое горе. Медицинской помощи не было. Воды не хватало, так как не было необходимых емкостей, просто посуды. Все были в плачевном положении: в чем мать родила. Путь продолжали, кто кого потерял, кто кого нашел — все это было в дороге. И доехали мы до станции Бологое, потом дальше до г[орода] Иваново¹. В Иваново немножко стало более организовано. Были выделены люди-организаторы и, наконец, стали составлять учет по фамилии и откуда мы. Начали спрашивать, кто куда хочет ехать, в какие области СССР. Мы выбрали Горьковскую область, так как поезд уже был на станции и отходил через полчаса после опроса. Все были измучены, хотелось прибыть куда-нибудь побыстрее, в какой-нибудь дом под крышей. Мы были голодны, немывы, запыленные, как из мукомольни. Солнце печет, грязь на площадках, пыль. Поднялись на платформы на этот раз уже по приставным лесенкам. Поезд состоял примерно из 8 вагонов. Раздался гудок, и мы отправились. Налетов больше не было. Так мы доехали до станции Смагино² Горьковской обл[асти] Прибыли мы 8 июля 1941 г[ода]

Кулагины и другие добрые люди села Крутец

Эвакуированных встречали какие-то официальные люди. На станции было много крестьян на подводах. Они должны были развозить всех к месту назначения. Нам предложили поехать в Бутурлино³, районный центр. Мы согласились. Нам было все равно куда ехать. Сели в большую телегу, устланную соломой. Познакомились с возчиком. Это был колхозник Кулагин Николай Иванович. Он расспрашивал нас, откуда мы, как добирались. Видит, что мы едем почти голые, без вещей — ни мешка, ни чемодана. Только то, что на нас было. Видно, пожалел нас очень и предложил ехать

¹ Иваново — центральный город Ивановской области. Первое упоминание — 1608 г. До 1932 г. Иваново-Вознесенск.

² Смагино — село, станция в Бутурлинском районе Нижегородской (Горьковской) области.

³ Бутурлино — районный центр Бутурлинского района Нижегородской (Горьковской) области.

к нему в село Крутец¹, колхоз «Быстрый». Кулагин нам рассказал, что у него жена Клавдия и двое детей — Лена и Валя, — а он сам тракторист и сразу возьмет брата Алика водовозом к трактору. А меня он устроит подвозить на лошади продукты для трактористов. Обнадежил он нас, что мы будем сыты, что нам дадут отдельный дом (хату) у леса, где расположены конный двор и стоянка тракторов. Мы приняли его предложение. В Бутурлино нас встретили работники райисполкома, райкома партии (большевиков) и работники военкомата. На площади собралось очень много людей, и все на подводах. Нам повезло, что новый знакомый Николай Иванович Кулагин не оставлял нас, а сам пошел в райком и попросил направить нас к нему. Взяли нас на учет, всех переписали, и мы уехали. Расстояние от Бутурлино до села Крутец километров 30². Лошадь была хорошая, дорога сухая грунтовая, пыльная. Вокруг леса — большие, густые дубовые и березовые. Кулагин нас в дороге кормил нарезанными кусками мяса с домашним подовым черным хлебом. Ночью уже к часам 12 мы приехали в село. Дом Кулагина находился на улице в колхозе «Быстрый». Улица называлась «порядок». Нас встретила его жена Клавдия. Кулагины были староверы. В доме идеальная чистота. Сразу же предложили принять баню. Она находилась в метрах 50 от дома. Затопили ночью, и через два часа мы начали мыться впервые в жизни в деревенской бане. Чаны с водой, щелочная вода, мыло хозяйственное — огромные куски, — веники березовые. Николай помог нам, мужчинам, а затем и мама с Клавдией мылись. Вернулись в дом, а там койки с постельным бельем — белизна такая, как в хорошей гостинице. Но раньше, чем лечь спать, мы сели за стол. На столе стояли две красивые большие керосиновые лампы. Еда — картошка, сметана, творог, масло, суп, мясо и квас. Ели немного, так как были очень усталые. Легли спать и встали, помню, как сейчас, в 4 часа после обеда. Кулагин уже приготовил дом, который нам обещал еще по дороге в Бутурлино. Но пока стены не были побелены, т. е. печь и стены, они нас не поселяли в эту хату. В дом к Кулагиним приходили соседи-староверы и знакомились с нами. В Крутец прибыло еще несколько семей из Лудзы: Юдл Лоткин с женой Геней и сестрой Рахелью. Их тоже поселили отдельно недалеко от нас. Был такой эпизод. Я вышел на улицу, меня позвали к одному из домов, где сидели на лавочке человек 5–6 местных жителей. Я подошел, они стали меня оглядывать, рассматривать и спросил: «Ты кувырканный?» (т. е. эвакуированный). Говорят, что приехали «явреи», а какие они, мы их никогда не видывали. Говорят, что «они — явреи, с волосами на руках и ногах, борода и рога у всех» Я ответил: «Да, я еврей из Латвии».

Они переглянулись и между собой громко разговорились, смеялись, начали меня шупать, смотреть. Наконец сказали: «Смотрите, они ведь как мы, такие же люди, без рогов и волос». Вот в такие места мы попали.

¹ Крутец — село в Бутурлинском районе, в 16 км от райцентра Бутурлино.

² На самом деле 16 км.

Итак, 10 июля 1941 г[ода] мы сделали новоселье на краю села Крутец в домике № 18 на улице «5-й порядок». Рядом были огромный лес, свинарник, конный двор, огромный бетонированный погреб с разными корнеплодами. Домик деревянный, с большим навесом впереди, крыша соломенная, внутри дома одна большая комната с большой русской печкой и огромной на печи лежанкой и металлической чугушкой для обогрева в зимнее время. Три окна, деревянный дощатый пол. Внутри комнаты уже стояли большой стол на деревянных козлах, большой широкий топчан. Это была наша кровать. Вокруг стола — две деревянные скамейки и две длинные доски, тоже на козлах. В углу комнаты между двумя окнами висели икона с изображением женщины с ребенком на руках (потом я узнал — Богородицы) и лампада под иконой с двумя полотенцами. Мама икону убрала.

В колхозе

Николай Кулагин принес мне и Алику лапти с портянками из мешковины. Показал, как нужно их надевать и заплетать эти портянки с веревками до колена. Мы надели лапти и впервые поехали в поле на уборку сена. Мама и папа остались дома. В поле Кулагин показал участок, где нужно грабить граблями сено и делать копны. Это мы с братом сделали хорошо. Кулагин нас накормил мясом с картошкой, солеными огурцами и хлебом. Домой приехали на закате солнца, загорелые и усталые. Мама уже приготовила печеную картошку и кринку молока. Мы поели и легли спать. Мы с братом залезли на печку-лежанку. Постелили солому. Клавдия нам принесла простыни из мешковины. Утром нас разбудил бригадир полевой бригады Тарасов и принес нам молока и горячую картошку.

Брату бригадир дал лошадь и телегу с бочкой и сказал, что он будет возить воду к тракторам, а также горючее. Лошадь по кличке Король — ленивая, спокойная. Моего коня звали Металл. Он был очень быстрый, молодой, Тарасов дал мне конные грабли и отправил в поле — подгребать сено после косилки. За один день работы с утра до 10 вечера нам начисляли 2,5 трудодня. Мы считались механизированной конной бригадой. Я на 4–5-й день пребывания в колхозе стал «отличным» колхозником. Бригадир Тарасов выписал на меня и брата на всю семью 4 литра меда, 30 кг ржаной муки и 15 кг пшеницы, 50 кг картошки и тушу баранины. Я и брат привезли на своих лошадках из колхозной кладовой эти продукты. Мама и папа обрадовались, сделали хороший ужин, а уже на следующий день мы уже нормально обедали. Была большая проблема с одеждой и постельным бельем. Но эта проблема тоже была решена. Нам из сельпо, т. е. сельской кооперации, выделили за счет колхоза солому, вату и хлопчатый материал. Мама сшила матрасы и подушки, наполнила их соломой. Одеядло нам дала Клавдия. Так мы стали «имущими». Мы с братом работали каждый день и хорошо зарабатывали.

Папе, долгие годы работавшему наборщиком в типографии, маме, знавшей только домашние работы, трудно пришлось на полевых работах. Папа работал на току¹, колхозницы смеялись: «Вот, городской, погляди, как хлебушек не на деревьях растет. Что, мешок не подымеешь — пупок развяжется?»

Однажды пупок, действительно, развязался. Пытаясь поднять мешок, папа упал в корчах на землю — грыжа. Женщины не смеялись, отвезли его после работы домой. Папа отлежался дня три и вновь пошел на работу, правда, тяжелых мешков один уже не таскал.

Это был один месяц активной более-менее нормальной жизни. Даже радость после большого горя.

Фронтовые сводки. Добровольцем в Латышскую дивизию

Сводки с фронта все поступали тревожные и призывали всех как одного встать на защиту Отечества. Появились плакаты в правлении колхоза и колхозном клубе «Родина-мать зовет!» «Смерть немецким оккупантам!», «Бей немецкую гадину!», «Спасай свою семью, свой дом, Родину-мать».

Самый трогательный лозунг для моего брата Алика был: «Все на фронт бить фашистского гада». Каждый день мобилизовали мужчин в РККА на фронт. Так в начале августа ушел и Николай Кулагин. Потом начали приходиться похоронки о смерти на фронтах наших соседей. Крики, плач, стоны жен, детей, матерей, отцов стали каждый день слышны на улице и из домов. Стало грустно и страшно. В эти дни Алик написал в райком партии заявление с просьбой отправить его в формируемую латышскую стрелковую дивизию². 16 августа брата вызвали вместе с Юдой Лоткиным в Бутурлино

¹ Ток — место, на котором молотят хлеб.

² 3 августа 1941 г. ГКО СССР принял решение о создании Латышской дивизии. В нем говорилось:

«1. Принять предложение ЦК КП(б) Латвии о создании Латвийской стрелковой дивизии.

2. <...> приступить к формированию Латвийской стрелковой дивизии из состава бойцов бывшей Рабочей гвардии, милиции, партийно-советских работников и других граждан Латвийской ССР, эвакуированных на территорию РСФСР».

Формирование 201-й латышской стрелковой дивизии началось в Гороховецких лагерях Владимирской области. Первые группы добровольцев стали прибывать уже 11–12 августа. Основная масса — с 15 по 20 августа. К этому времени уже прибыло около 2,5 тыс. бывших латвийских милиционеров и работников НКВД. Добровольцы прибывали группами по 100–200 человек из Горьковской, Кировской и Ивановской областей, где была размещена большая часть эвакуированных граждан Латвии. Дивизия на 70 % была укомплектована добровольцами. Из них граждане Латвийской ССР составили примерно 90 %: латышей — 51 %, русских — 26 %, евреев — 17 %, поляков — 3 %, других национальностей — 6 %. Дивизия стала первой советской дивизией, сформированной по национальному признаку. С 13 декабря 1941 г. и до 10 января 1942 г. участвовала в боях в ходе контрнаступления под Москвой. За участие в боях под Старой Руссой с февраля 1942 г. по 15 сентября 1942 г. преобразована в 43-ю гвардейскую латышскую дивизию. Участвовала в освобождении Латвии в 1944–1945 гг.

к Бренгулю¹ — представителю Латвии. Там оформили добровольцами на фронт. Алик вернулся домой и все рассказал. Мы места себе не находили. Но Алик ободрял нас. Он сказал: «Я вас вывел из Лудзы от фашистов, а теперь я должен помочь их разбить и отомстить за всех убитых. А потом приеду с победой к вам в Латвию, и будем жить лучше. Илья уже большой, работает хорошо. Папа будет работать с Илкой. Он уже весь колхоз знает». Алик пошел с Юдой Лоткиным к председателю колхоза Андрееву Андрею Андреевичу, попросил, чтобы нам дали лошадей на 20 августа для наших семей, провожающих добровольцев на станцию Смагино. Все это было сделано. 20 августа 1941 г[ода] состоялся отъезд моего брата в Латышскую дивизию. Проводы его живого в последний путь. Мы проводили все время вместе, не зная, что мы больше не увидим друг друга. А ведь это был мой самый любимый, преданный, красивый, смелый неповторимый братик Алик. Как я так вроде бы «легко» провожал его, надеясь на чудо. Но это было! Мама беспрерывно до проводов плакала, как бы его уже оплакивала. Папа ходил, складывал руки и ломал пальцы, все просил Б[о]га о спасении нас всех. Вот так проходили дни до проводов. Плач и стон дома нарастал, так как соседние семьи, получив похоронки, оплакивали своих родных и близких.

Страх не случайно усиливался у нас с каждым днем. Я просил Алика об одном: пиши каждый день открытку и одно слово — «жив!» Не думал я, что открыток не будет, а только самоскладные треугольники. Брат обнимал меня, сажал к себе на колени и целовал, успокаивал, так как я ходил из угла в угол и плакал. Мне было страшно оставаться одному в такое время, когда родных, кроме мамы и папы, не оставалось. Я ходил по дому и молил, чтобы погибли Гитлер и его банда разбойников.

Я попросил моего бригадира освободить меня на эти дни от полевых работ, чтобы больше быть с братом вместе. Бригадир пошел мне навстречу, так как у него тоже на фронте было два сына. Так мы готовились к расставанию с братом навечно.

Наступил злосчастный день 20 августа. Сам бригадир Тарасов часам к 7 утра привел две подводы. Собрались соседи, так как нас уже многие знали, была и одна эвакуированная из Ленинграда² Полина Андреевна (она с нами поехала до станции Смагино) до места отправки.

На «порядке» собралось много народу, но было тревожно и грустно, потому что все плакали. Они уже были, как тогда начали называть, семьи погибших, и они благословляли нас в дорогу. Мы все расселись. Я, как

¹ В Ивановской, Горьковской и Кировской областях, куда была направлена бóльшая часть беженцев и эвакуированных граждан Латвии, находились уполномоченные представители компартии и правительства Латвии. В их обязанности входило оказание помощи гражданам Латвии. Одним из таких уполномоченных был Бренгуль.

² Плановая эвакуация населения Ленинграда началась уже 29 июня 1941 г. и продолжалась до 6 сентября 1941 г. включительно. С августа 1941 г. эвакуированных отправляли в основном в Кировскую, Горьковскую области и на Урал.

обычно, за кучера, брат на второй подводе тоже взял вожжи. Соседи принесли нам отварное мясо, хлеб. Мама взяла собой зажаренные котлеты с картошкой. Прибежала Клавдия Кулагина и принесла брату рубашки, брюки и телогрейку. Сказала, что ночью может быть холодно, а потом ее девочки, Леночка и Валя, принесли в плетеной из березового лыка корзине огромный пирог-каравай из пшеничной муки, начиненный вареньем и какими-то фруктами. Все это отдали моему брату Алику со словами: «Дорогой наш дядя Алик, тебе сладкой дороги и счастливого пути...»

Мы двинулись в путь. Ехали мимо колхозного клуба, мимо правления колхоза, нас провожали до конца села. За селом лошади пошли рысцой по пыльному грунтовому большаку от села Крутец до Бутурлина. Часа через три сделали привал. Распрягли лошадей, пустили на привод по травяной полянке у леса. Разожгли костер, вскипятили воду и сели на траве поесть. Разрезали пирог-каравай. Компания была большая: папа, мама, брат Алик, я, Лоткины Юдл, Рахель, Геня, Полина Андреевна. Брат нас ободрял. Говорил, что пройдет страшное время и мы встретимся все в Лудзе, в Риге в Латвии. И будем вспоминать этот день...

Через час мы запрягли лошадей и вновь тронулись в путь. Приехали в Бутурлино. Там было много новобранцев с разных сел. Нас встречали офицеры военкомата и другие военные. Сразу направляли на станцию Смагино. Брат остановил лошадей, зашел в какой-то двор и переоделся в одежду, которую дала Клавдия, а свои вещи — брюки галифе, темно-синюю гимнастерку ремень и свою фуражку (это была форма рабочей гвардии в Латвии 1940—1941 гг.) — отдал мне. Сказал: «Что сможешь, носи, будешь думать, что я с тобой рядом». Я заплакал и бросился ему на шею, и он тоже впервые заплакал. Затем подошел к папе и маме, крепко их обнял и целовал. Постояли, обнимались, плакали, ободряли друг друга...

Потом расселись по подводам и поехали на станцию. Приехали на вокзал, там негде было даже поставить лошадей. Папа остался сторожить их, а мы пошли в помещение вокзала. Было уже около 10—11 вечера.

В помещении вокзала было много людей. Сидели на полу на мешках, на деревянных чемоданах, негде было даже стоять, не только присесть. Брат категорически стал уговаривать проститься и ехать обратно. Мы уезжать не хотели. Брат пошел узнать, когда будет поезд, ответили, что, может быть, утром в часа четыре. Так мы и попрощались с Аликом и Юделем Лоткиным и тронулись в обратный путь. Вместо брата на второй подводе кучером стал папа, а я ехал с мамой и Полиной Андреевной. Приехали под утро домой. Было пусто и скучно. Я не мог заснуть. Все смотрел, казалось, брат где-то здесь....

Утром пришел бригадир Тарасов и дал мне наряд на боронование после клеверного пара. Бороны были в поле. Тарасов отмерил мне 3 га площади боронования и сказал, чтобы я выполнил работу до восьми вечера. Я все выполнил, но очень устал. Вдруг приехал председатель колхоза Минеев

и привез мне ботинки. Минеев сказал, что я хорошо работаю и наша семья получит дополнительно паек как семья фронтовика. Я приехал домой, мама сидела и плакала. Я был очень уставший, но предложил маме и папе погулять по местам, где бывал брат. Зашли в клуб, но там уже не было той молодежи, что была несколько дней назад. Через две-три недели мы получили от брата бодрое письмо и фотографию, на которой он был вместе с Мулей Вайспапом и Юделем Лоткиным. Был указан и адрес: Горьковская область, Гороховец¹. Это было место формирования Латышской дивизии. Мама решила поехать и навестить сына. В конце сентября она нагрузила две корзины с разными продуктами и теплой одеждой. Шерстяные носки дала Клавдия Кулагина. На рассвете я и папа провожали маму на лошади в сторону пристани Лысково на Волге. Так просто и расстались на большаке. Она пошла одна, сказала, кто-нибудь на подводе подвезет...

Учительница Антонина Александровна. Тоня

В эти же дни я начал учиться. 1 сентября 1941 г[ода] к нам пришли две очень красивые девушки. Первая назвала себя Анастасией Григорьевной — учительница Крутецкой школы, а вторая — классная руководительница Антонина Александровна Бутусова. Они сказали, что один ваш сын — Арон — ушел в РККА, а младший, Илья, должен учиться. Мы получили списки на всех подростков и молодых людей до 17 лет — беженцев, которых мы должны охватить учебой. Мы будем вам помогать — сказала Антонина и вынула из плетеной корзиночки буханку хлеба, кусок сахара и много блинов, начиненных мясом. Подарила мне и ученическую белую рубашу. Я ответил, что работаю в колхозе на полях и учиться днем не могу — я должен помогать папе и маме. Анастасия Григорьевна предложила вечерние занятия с 18 до

¹ Гороховец — город Владимирской области. Основан 1239 г. В Гороховецком районе в поселках Мулино и Золино, на месте, где находились в XIX веке лагеря царской армии, в 1930-е гг. создан Гороховецкий военный учебный центр, носивший название по районному центру. В годы войны там созданы лагеря для формирования многих частей Красной Армии. Эти лагеря назывались Гороховецкие. Только в 1944 г. этот район передали в Горьковскую область. Условия жизни, по воспоминаниям солдат и офицеров формировавшихся там частей, были тяжелейшими. «<...>где можно разместить 100 человек, сразу 500, и жизнь людей превратится в кошмар. И питание выделяйте на сотню, а не на полтысячи душ... Выдали нам хлопчатобумажные гимнастерки и брюки, а обуви и шинелей для солдат нет! До самой отправки на фронт красноармейцы нашей роты ходили в “домашних ботинках”, в “гражданских” пальто и ватниках <...> В день выдавали 700 граммов хлеба, но это был не хлеб, а сырая мякина. На каждых 14 человек дважды в день давали банную шайку супа, а вечером каждый боец получал еще мизерную порцию каши. Только ты съел суп из миски, так сразу отдавал ее стоящему в очереди, не было мисок и для трети бойцов, а котелков и в глаза не видели. Кто находился в Гороховце больше двух месяцев, заболел дистрофией, у многих была цинга». См.: *Фролов Н.* Гороховецкие лагеря вспоминали с дрожью // *Призыв.* 2012. 12 дек. URL: <https://www.prizyv.ru/2012/12/gorohovetskie-lagerya-vspominali-s-drozhyu> (дата обращения: 06.09.2020).

22 часов, кроме субботы и воскресенья. Я буду в классе Антонины Бутусовой, а колхоз даст возможность, чтобы я прямо на лошади приезжал в школу. Я брал с собой чистую одежду, в школе переодевался и сразу заходил в класс.

В это время началась уборка хлеба. Поэтому несколько недель с папой работал ночами на молотье хлеба. Папа подавал снопы, а я на лошади на гнете отвозил мякину и солому из-под молотилки. После окончания молотьи я стал приходить в школу днем и стал учеником Антонины Александровны в шестом классе. Мы повторяли программу 4–5 классов. Для меня это было самое замечательное время — не из-за учебы, а потому, что я почувствовал любовь к девушке, которая взяла надо мной шефство. Но я всего этого еще не понимал. Это была азбука любви к девушке. Она была старше меня на пять лет. Ее отец Бутусов Александр Андреевич был директором промкомбината. Поэтому Тоню все знали и уважали.

Антонина Александровна, но так я обращался к ней только на уроках, а после уроков — только Тоня или Тонечка, а она называла меня Илья на уроках, а вне школы — Илюшка. Она была для меня как сестра, и моя первая любовь. Тоня мне часто говорила, что война — это страшно. Она мечтала после войны учиться на врача. Вот такой замечательный друг у меня был в эвакуации.

Заметил меня и ее отец — Бутусов Александр Андреевич. Не знаю и сегодня, может быть, по просьбе Тони, возможно, и нет, Бутусов решил меня и папу принять на постоянную работу по окраске тачанок и изготовлению гужевого оборудования для фронта.

Война набирала силу. Говорили, что бомбили Горький¹, сводки информбюро сообщали, что сдали Воронеж², у Москвы заняли Истру³. В наших лесах, поговаривали, появились диверсанты. В самом конце октября 1941 г[ода] вернулась и мама. Она рассказала об Алике. Конечно, все было страшно. Через две недели, по словам мамы, дивизию отправляли на фронт. Откуда у мамы были такие силы, чтобы пройти пешком такие дороги, перенести все увиденное? Она постарела и похудела, но была сильной. Наступала суровая снежная зима 1941–1942 года. Я учился и работал. Вместе с папой мы вечером красили тачанки, а днем возили дрова. Нам Бутусов выделил двух лошадей. В 5 утра мы с папой выезжали в лес за дровами. Папа очень боялся ездить на лошади при спуске с больших холмов. Поэтому я съезжал на своем Буйном, а потом пешком возвращался к папе и съезжал с ним на Белке. Так я справлялся с двумя лошадаками.

¹ Нижний Новгород основан в 1221 г. С 7 октября 1932 г. до 22 октября 1990 г. — Горький. С осени 1941 г. по лето 1943 г. немцы совершили 43 налета на Горький.

² Воронеж основан в 1586 г. Центр Воронежской области. Немцы заняли правобережную часть города 6 июля 1942 г.

³ Истра (Сафатово, Воскресенск до 1930 г.) — город в Московской области. Основан в 1589 г. Немцы заняли Истру 27 ноября 1941 г. Хронологически отец ошибся в воспоминаниях: первоначально надо было упомянуть Истру, а потом Воронеж.

От брата начали регулярно раз в две недели приходить письма-треугольники с адресом: полевая почта, № такой-то. Однажды прислал фото в военной форме. Письма хранил я. В письмах было порой много густо зачеркнуто — вероятно, брат писал какие-то подробности, вычеркнутые цензурой. Каждое письмо было праздником. Письма придавали настроение работать. Мы с папой стали передовыми работниками, мужчин было мало. В феврале 1942 г[ода] Бутусов предложил папе поехать в Дзержинск¹ вблизи Горького на курсы по освоению производства спичек, так как срочно требовалось наладить их выпуск для фронта. Папа уехал. Теперь вместо папы в лес со мной отправлялась мама. В селе Крутец к этому времени остались только женщины и дети допризывного возраста, а также мужчины за пятьдесят. В нашем доме вечерами стало грустно и страшно. Дом стоял на опушке леса, на ночь мы оставались с мамой вдвоем. Через месяц папа вернулся с документом, что он может самостоятельно работать на производстве спичек. Так начался новый этап нашей жизни, но не все шло так просто.

Мы получили письмо от Алика, что он в Уфе, ранен, лежит в госпитале. После выздоровления его направили в Уфимское военное училище, однако через два месяца получили новое письмо, уже с Ленинградского фронта. Начались новые волнения.

Спички фронту

В эти же дни папа пытался дома сделать состав для спичечных головок, так как директор Бутусов уже приготовил помещение для спичечного цеха в большом каменном погребе бывшего богатого крестьянина — как потом узнали, высланного в 30-е годы в Сибирь. Однако у папы что-то не получалось. Путался он и в рассказе о том, как надо готовить серную массу. Хотя рецепт у него был: дали на курсах. Вот мне и пришлось самому проводить эксперименты исходя из тех рецептов, которые привез папа. В конце концов я добился того, что приготовленная мною серная масса взорвалась. Значит, уже что-то могу. Но надо было добиться не взрыва, а возгорания. Я смешивал компоненты, уменьшал один, добавлял другой, а главное было в фосфоре, пиролюзите и бертолетовой соли; краситель охра был всего лишь инертным материалом. В конце концов я подобрал состав, взвешивая его на самодельных весах. Вместо гирек использовал копейки: 1 коп — 1 г., 2 коп — 2 г., 3 коп. — 3 г. Использовал только медные копейки. Так я сделал первую партию и от радости сам побежал к Бутусову. Он эти первые спички взял себе. В деревне спичек не было. Огонь выбивали из кремневого кресала с приложенным к нему фитилём. Бутусов немедленно оборудовал цех и все приспособления для изготовления спичек. Мне и папе привезли

¹ Дзержинск (Черное, Растяпино до 22 июня 1929 г.) основан в 34 км от Горького. Один из центров химической промышленности.

спецодежду, даже обувь. Производство спичек — это был военный заказ, и потому Бутусов сказал начальнику производства Воронову Ивану Ивановичу, чтобы тот особенно заботился о мастерах. И хотя папа был заведующим спичечным производством, я занимался всеми химическими процессами. На работу мы были оформлены официально: папа с окладом 550 рублей, я как мастер — 480 рублей, а мама — рабочая в бригаду по комплектации спичечной соломки. Первую партию спичек мы сделали всей семьей. В ней было 5 пачек, в каждой по 50 спичек. Ее сделали за один день. Эта партия была отправлена в райком партии. Бутусов взял меня собой, и я вместе с ним вручил эти пачки первому секретарю Федотову. Бутусов мною гордился и очень хвалил. Это было началом моей настоящей трудовой деятельности. Папа лишь формально был заведующим — он так до конца и не разобрался в тонкостях спичечного производства, хотя и окончил курсы. К Первому мая 1942 г[ода] спичечный цех открылся на полную мощность. В цеху работало много местных мальчиков и девочек. Всего 32 человека. Я был фактическим командиром производства, а папа — материально ответственным. Так как мы работали с взрывоопасными и огнеопасными материалами, нас проверяли два раза в месяц и пожарники и НКВД.

Пугач. Письма с фронта. А похоронка пришла лишь в мае 1943 г. Письмо Леонида Шоломко

Я решил сделать самострел — «пугач»: медная трубка, заклепанная, загнутая с одной стороны; напильником сделал надрез-отверстие, прикрутил проволокой деревянную рукоятку, а вместо пули нарубил гвоздики, оказалась крупная «картечь». Можно было убить зверя. Папа очень волновался, но я ему доказал, что сейчас, когда мы разъезжаем по лесам, нужно такое оружие иметь. Я изготовил специальный состав для выстрела. Так я стал вооружен.

Мы работали и жили с надеждой об окончании войны и скорой встрече с Аликом. Но информбюро¹ голосом Левитана² передавало об ожесточенных боях на фронтах, о злодеяниях фашистов.

Похоронные извещения о гибели сельчан приходили чаще. Стало обычным: кто получал письма от родных фронтовиков, не рассказывали, чтобы не вызывать зависть у тех, у кого уже погибли. Поэтому те, у кого родные фронтовики были живы, стали скрывать получение письма.

Наступил конец лета 1942 г[ода]. Мы от Алика периодически получали письма и фото. Военные дела были тяжелые, в тылу уже ощущался недостаток продуктов. А брат писал обнадеживающие письма: «Фрицы начали бояться нас, появилось больше наших самолетов, бьём фашистов, скоро

¹ Советское информационное бюро. Образованно при СНК СССР 24 июня 1941 г.

² Левитан Юрий Борисович (1914–1983) — диктор Всесоюзного радио. В годы Великой Отечественной войны читал сводки Совинформбюро и приказы Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

мы их выгоним с нашей земли, и мы встретимся»¹. Мне он писал: «Дорогой Илинька, на тебя возлагаю надежду, ты уже большой, я знаю, что вам нелегко, берегите друг друга, не оставляй маму одну, до встречи после победы в Латвии. Будем жить лучше». Вот такие слова были в треугольниках, где адрес был только один: Шнееру Арону Яковлевичу, полевая почта №... Письма и фото я собирал и хранил в специальном сундучке. Нам на почте говорили, что мы получаем самые большие треугольники. Вот так брат старался нас поддержать. Но вдруг случилось то, что вызвало у нас тревогу, и начали душить страшные мысли. Большая пауза — молчание от брата. Каждый день мы встречали почтальона и слышали одни и те же слова: «Нет писем». Не было писем в сентябре... Вдруг почтальон стучит в дверь: «Радуйтесь, я вам письмо принесла». И не уходила, пока мы не открыли. Мама сразу обратила внимание, что письмо не от брата, так как всегда прежде, чем вскрыть письмо, всегда осматривала его: число и штамп полевой почты. Открыли треугольник и читаем: «Дорогие мои родные, я пишу вам как родной сын...» Читать дальше мама не могла, только начала кричать, что нет больше дорогого сыночка. Папа и я взяли из рук мамы письмо и начали читать. Папа продолжил: «Я, Шоломко Леонид — фронтовой друг вашего сына Алика. 1 сентября наше отделение пошло на боевое задание в разведку. Местность оказалась заминирована, Алик шел первым и подорвался на mine. Мы похоронили его. Дорогие мои, клянусь, что буду вашим вторым сыном и будем мстить фашистским гадам за вашего сына. Успокаивать вас не могу, скажу словами Алика: “разобьём немецкую гадину, освободим нашу землю и будем жить лучше”, так он вам писал всегда. Я читал его письма. Он был хороший друг и товарищ, сын. Все беспокоился о маме. Я, Леонид, родился на Украине, у меня нет ни мамы, ни папы. Они погибли при бомбежке. Вы будьте моими родителями. Крепко вас обнимаю. Ваш Леонид»².

¹ Письмо написано, судя по всему, в начале Синявинской операции, которая началась 19 августа 1942 г. 259-я стрелковая дивизия, в которой служил Арон Шнеер, была после выхода из окружения сформирована заново и готовилась к наступлению в районе деревни Гайтолово, Синявинские высоты. 31 августа 1942 г. дивизия прорвала фронт. 1 сентября Арон Шнеер погиб. Сама операция вновь закончилась неудачей.

² О Леониде Шоломко. Отец рассказывал мне, что переписывались с ним до осени 1944 г. Все его письма хранились вместе с письмами брата. Однако во время возвращения из эвакуации на станции Арзамас семью обокрали. Среди украденного были и фронтовые письма Алика и Шоломко. Папа и его родители не знали адрес полевой почты Леонида, а Шоломко не знал нового адреса родителей Алика. Так и прервалась переписка. Я попытался найти сведения о Шоломко в базе данных ОБД МО России «Мемориал». Среди погибших его имени, к счастью, не оказалось. Набрал его фамилию, имя на сайте «Подвиг народа». И — удача! Нашел два наградных листа на «Шоломко Леонид Петрович, 1922 г. Украинец. Место рождения: Украинская ССР, Харьковская обл., г. Харьков, ул. Павлова-Лебедь, 31. Звание: гв[ардии] старшина помкомвзвода пешей разведки». Позже — лейтенант. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Хочу верить, что это именно он, хотя на время награждения в 1944 г. уже воевал на другом фронте. Но слишком многое совпадает: место рождения, разведка. Алик тоже служил, по словам Шоломко, в разведке.

В доме крик, плач истерический. Почтальон долго была у нас. Прибежали соседи, все, кто знал нас, пришли и эвакуированные Лоткины, Жорде, Полина Андреевна, Башмачников из станции Дно¹... Прибежала Клавдия Кулагина. Это было траурное посещение. Слов нет, чтобы описать. Все было плохо, скорбно и страшно. Надежда у меня ушла. Всем нам в эти скорбные дни казалось, что всем мы тоже больше не живем. Я не мог представить, что больше мы никаких известий о самом дорогом человеке — моем брате — не будем иметь. Мне, маме, папе казалось, что все кончено.... Наступили траурные дни скорби. Я повесил на гвоздик на стене все одежду (форму рабочегвардейца) брата и фуражку. На доске у стенки разложил его письма. Зажгли коптилку с керосиновым фитилем. Я доливал керосин, так она горела 10 дней. Папа молился, читал Кадиш². Мама, как только оставалась одна, разговаривала с собой... Трагедия была страшная. Так мы, кроме расстрелянных немцами родных, о которых узнали позже, потеряли и моего брата Алика.

Друзья. Комсомол. Фосфор горит.

«Пришлось ругаться».

Пугач как лекарство от антисемитизма

Война продолжалась и проглатывала людские жизни беспощадно. В село Крутец продолжали приходиться похорожки. В армию призвали всех от 18 до 50 лет. Работали женщины и дети. И моего папу вызвали в военкомат для определения пригодности к армии. Но ему было уже 53 года — вероятно, поэтому не взяли. Это было чудо от Всевышнего.

Я подружился с местными ребятами, которые тоже работали на спичечном производстве. Всем им было по 14 лет, как и мне. Это были Леня Минеев, Леня Варгин, Валя Берлова и Женя Губанова. С Леней Варгиным, у которого отца убили на фронте, мы так сдружились, что он часто приходил ночевать к нам домой. Валя Берлова и Женя Губанова стали моими подругами по вечерней школе.

План поставок спичек по военному заказу мы постоянно перевыполняли, и спички стали поступать в сельпо для местного населения. В январе 1943 г[ода] меня в райкоме комсомола приняли в ВЛКСМ. Первый секретарь Елена Митина поздравила и вручила валенки, новые штаны, рубашку и даже ремень. При вручении этих вещей она сказала, что я в таком возрасте выполняю важную для победы работу.

Мне хотелось, чтобы эти слова слышал мой брат Алик, но увы... Меня сфотографировали на районную Доску Почета.

¹ Узловая станция в городе Дно Псковской области.

² В иудаизме: молитва об умершем.

Вернулся я обратно в Крутец, вскоре меня уже официально назначили бригадиром. Я перешел в 7 класс вечерней школы и уже стал хорошо писать по-русски.

В 1943 г[ода] перенять опыт по изготовлению «красивой спичечной головки» к нам приехали из Дзержинского промкомбината. Рамки со спичечной соломкой я никому не доверял, и последний процесс погружения соломки в приготовленную серную массу шел под моим контролем.

Примерно в августе 1943 г[ода] в цех привезли 10 кг фосфора. Папа принял его, а рабочий сгрузил в сушилку, где проходил процесс сушки спичечных головок. Я в это время готовил серную массу для спичек. Банка с фосфором была открыта, и от жара красный фосфор загорелся. Большого огня не было, но страшный белый, отравляющий дым извергался, как из вулкана. Все помещения быстро заполнялись этим белым ядовитым дымом. Все выбежали из цеха, а я — что двигало мной, я и сейчас не знаю — схватил свою куртку, пригнулся, вбежал в сушилку и набросил куртку на горящий фосфор. Как я не задохнулся! Но сумел погасить банку с фосфором и выбежал на улицу. Папа и другие благодарили меня. Я и в будущем всегда при чрезвычайных обстоятельствах забывал о себе и быстро принимал самостоятельные решения.

С местными жителями у нас были очень хорошие отношения. Но вот с одной женщиной пришлось ругаться. Эвакуированная из Москвы Серафима Малинина работала в конторе Промкомбината. Она постоянно натравливала на папу завпроизводством комбината Воронова Ивана Ивановича. Во время производственного собрания она, не разбираясь в производстве, пыталась папу как бы унижить, что не он «командует» — именно такое выражение она подобрала, — а я руковожу всем производством, и даже при проверке никто, кроме меня, не мог ей ничего пояснить что к чему. Воронов ее поддержал. Мне впервые в жизни пришлось «дать бой» этим полуначальникам. За меня вступились ребята из цеха и главбух Лебедева, а главное — сам Бутусов. Причем я сказал, что лучше бы они, Воронов и Малинина, следили за поставками вовремя спичечной соломки и химикатов, а не мешали работе. Вот так я впервые в моей маленькой жизни прошел «бой» со взрослыми людьми, притом руководителями производства.

Однако Серафима проявила себя еще и как антисемитка. Однажды вечером, после работы, наш цех и Серафима шли на молотьбу. И тут она начала громко рассуждать, что евреи не воюют, а все отсиживаются в тылу, показывая на моего папу. Я подошел к ней и над ухом выстрелил из пугача. Серафима с испугу упала, потеряла сознание. Меня, к счастью, как малолетку не наказали, но сам Бутусов ругал на чем свет стоит. Я сумел доказать, что это был пучок спичек, специально для Серафимы, чтобы напугать ее, и все. Но, главное, никто не сказал, что у меня был пугач. Малинина после этого случая никогда больше рта на нас не раскрывала.

Дорога домой

23 июля 1944 г[ода] освободили от немцев Лудзу. Папа написал письмо нашему соседу Павлу Николаевичу Рутковскому. В октябре получили ответ. Павел Николаевич написал, что никого из наших родных не осталось: «всех расстреляли в 1941 г[оду]. Приедете, все узнаете сами».

На дорогу Тоня Бутусова и Клавдия Кулагина испекли хлеб и приготовили сушеную картошку. Мы сделали специальный ящик для разных вещей. 1 декабря мы выехали на родину. Поезд почему-то шел через Арзамас на Великие Луки, а там мы должны были сделать пересадку на поезд Москва — Рига. Приехали утром. Пришлось ждать сутки. Ночью мы вышли на перрон с ящиком и чемоданами. Вдруг на перроне появилась какая-то машина, она осветила нас фарами и двигалась прямо на нас. Мы отошли в сторону, а все вещи остались, мы просто растерялись и не смогли их взять. Машина проехала. Мы после ослепления не могли сразу ничего видеть. Но, когда мы пришли в себя, никаких вещей не нашли. Словно подметальная машина проехала. Наши вещи были украдены до единого предмета. Обидней всего, что пропал ящик со всеми вещами, письмами и фотокарточками моего дорогого братика, не говоря уже обо всех нажитых в Крутце вещах и продуктах. Вот так мы остались опять ни с чем — только то, что было на нас. Хорошо, что при нас были документы. Я не мог прийти в себя. Начал плакать. Кричать: «Милиция!» Мама и папа меня успокаивали. Они оказались более оптимистичными, чем я. Но мне казалось, что я еще раз потерял брата, так как его вещи, письма и фото — это самое дорогое, что осталось от него, — пропали.

Возвращение

5 декабря 1944 г[ода] мы прибыли на станцию Лудза¹. <...> Зашли к Рутковским, так как в доме бабушки Баси жили какие-то люди и нас не пустили. Мы переночевали у Рутковского². Павел Николаевич нам рассказал, что уже в июле 1941 г[ода] бабушку Басю и тетю Фриду забрали в гетто. Он пока можно было приносил еду, но потом охрана запретила передачи. Бабушка уже начала слабеть. Цию, Батшеву и дядю Моше он не видел³.

В Лудзе мы встретили Шломо Камайского, он служил в Латышской дивизии, был в отпуске по ранению: руку держал на перевязи от шеи до пояса⁴.

¹ Город Лудза был освобожден от немцев 23 июля 1944 г. Сюда же из Москвы прибыла группа ответственных работников НКВД Латвийской ССР, затем по мере продвижения фронта на запад руководство НКВД переехало в Даугавпилс, а после освобождения Риги 13 октября 1944 г. переехало в столицу Латвии. В Латвию стали возвращаться из эвакуации местные жители.

² Павел Николаевич Рутковский. Сосед, учитель химии в гимназии, а потом и в Лудзенской средней школе. Из польских дворян.

³ Двоюродные сестры отца все расстреляны местными убийцами 17 августа 1941 г.

⁴ Шломо Камайский — житель Лудзы, кавалер двух медалей «За отвагу» и медали «За боевые заслуги». Был тяжело ранен в августе 1944 г.

Он немедленно с нами пошел в горисполком, а оттуда вместе с председателем горисполкома Петровым (бывший рыбак в Лудзе, знал нас хорошо). Мы пошли к дому бабушки и, наконец, зашли внутрь. Петров и Камайский официально нас представили жильцам и объяснили, что настоящие хозяева этого дома мы, и будем с сегодняшнего дня жить здесь. А им немедленно надо освободить дом. Эти жильцы, вероятно, бежали с немцами из России либо сами при немцах перебрались в Латвию, и немцы выделили им еврейский дом. Через какое-то время пришли двое военных, которые также жили там, но квартирантами у «хозяев». Военные нам сказали: мы вас сюда не пустим. Тогда мы обратились к прокурору Зайцеву Николаю. Он был инвалид войны, без левой руки. Зайцев немедленно позвонил в милицию. По его распоряжению нас в присутствии милиционера тут же вселили как семью погибшего воина. Военных предупредили, чтобы они освободили дом вместе с другими жильцами. Ночь переночевали все вместе. Но уже было ясно, что мы хозяева. Вероятно, военный комендант был предупрежден, и 7 декабря 1944 года нам дом полностью освободили. Мы почувствовали, что с нами, как с семьей погибшего советского солдата, считаются представители власти. Такое тогда еще было время.

<...> Начался третий этап моей жизни в Лудзе без родных, без брата. Папа сразу же пошел на работу в типографию по своей специальности — наборщиком. Заведующий коммунальным отделом горисполкома Астановский¹ предложил мне работу управдомом. 24 декабря я был официально оформлен. Одновременно я вступил в истребительный батальон по борьбе с бандитизмом при горотделе милиции. Начальником милиции был майор Фрицис Фридрихсонс². Комсомольцев в городе было мало. Мне выдали наган. Мое желание, цель были поймать и наказать всех тех, кто сотрудничал с немцами и убил моих родных. Это было начало моей трудовой и боевой жизни в Лудзе. Днем я работал в горисполкоме, однако в любой момент был готов по приказу отправиться на операцию.

Командиром группы истребков в Лудзе был Владимир Аглиш³, а роту истребков во всем уезде возглавлял Яков Марон⁴.

В январе — июне 1945 г[ода] из эвакуации возвращались беженцы. Многие из них я знал с детства. Я поставил перед собой задачу поселить их в дома, в которых они жили до войны. Эти дома были заняты как мест-

¹ Речь идет об Астановском Носоне Михайловиче (1893–1975).

² Фридрихсонс Фрицис Карлович — в 1940–1941 г. заместитель начальника Лудзенского отдела НКВД. В годы войны командир батальона 92-го полка 201-й Латвийской стрелковой дивизии. В августе 1944 г. вернулся к исполнению прежней должности. В 1945 г. «За успешное выполнение специальных заданий Правительства» Указом Президиума Верховного совета СССР 31 мая 1945 г. награжден орденом Отечественной войны I степени. Ведомости Верховного Совета СССР № 42. 31.07.1945. URL: <http://nkvd.memo.ru/index.php> (дата обращения: 01.09.2020).

³ Аглиш Владимир Афанасьевич — в 1986 г. руководитель сектора Госкомспорта Латвийской ССР.

⁴ Яков Марон в 1966 г. был старшим лейтенантом милиции.

ными жителями, которые их получили от немцев, так и теми, кто отступал с немцами из России и остался в Лудзе. Меня поддержали в горисполкоме и прокуратуре. Так я, будучи управдомом и истребком, подготовил предупреждения и сам поручил всем так называемым захватчикам освободить в течение 24 часов занимаемые ими полученные во время немецкой оккупации дома. В случае невыполнения распоряжения в указанный срок они будут выселены принудительно с наложением штрафа.

Конечно, с 1944 до 1946 г. у нас, эвакуированных и вернувшихся, у семей и родственников погибших, была огромная привилегия: нас защищал закон, нам доверяли больше, чем тем, кто был в оккупации. У нас же была ненависть к гражданам, которые прямым или косвенным образом получили какую-либо выгоду во время фашистской власти. У меня была злость и чувство мести: пусть наступит страдание для тех, кто воспользовался расстрелом евреев. Неоднократно встречал незначительное сопротивление, но на моей стороне был закон. <...>

Утром 9 мая 1945 г[ода] старший лейтенант Семка Астановский, работники милиции, истребки, услышав приказ Сталина о победе над фашистской чумой и об окончании Великой Отечественной войны, побежали с автоматами, пистолетами, что у кого было, на берег озера у мостика и начали стрелять в воздух, дали салют, обнимали друг друга, целовались; собрался народ, танцевали, пели, организовали бесплатное угощение, даже была бочка пива. Этот день Победы ждали долго и не жалели ничего, даже себя. Казалось, что особенно евреям была спасена жизнь. В Лудзенской синагоге молились за чудо Победы, которое хоть поздно, но пришло и Гитлер мертв. Мне казалось, что моя клятва, которую я дал 27 июня 1941 г[ода], сидя в бочке из-под соленых огурцов, прячась от бомбежки, исполнилась. Всевышний услышал ее. Т. е. я поклялся произносить проклятия на Гитлера при любом разговоре с кем-нибудь в случае спора или какого-нибудь несогласия. Это происходило так. Как только, что-то не так, я говорил: «Аф Хитлер коп. Зол эр нор гихер пейгерен фар але цорес. Вос эр хот онгетон фор иден»¹. Наконец, это сбылось. <...>

11 июня 1945 г[ода] ночью бандиты напали на дом парторга Мердзенской волости Лялина, в дом была брошена граната. Жене Лялина оторвало руку, был ранен и его сын. Сам парторг уцелел. Напали и на волостное отделение милиции, начальником которого был Али-Заде. Он и несколько истребков отстреливались. Успели позвонить в Лудзу. Али-Заде был ранен в живот. Когда мы приехали, это 16 километров, банду мы уже не застали. Али-Заде был еще жив, шептал-бредил: «Не давайте им мой наган». Наган был именной, вручен за храбрость. Похоронили Али-Заде в Лудзе².

¹ «На Гитлера голову. Чтобы он быстрее умер, за все беды, что он сделал для евреев» (идиш).

² Лейтенант Эйюб Акпер-Оглы Ализаде (1913–1945) родился в Кировабаде. За неделю до гибели «за успешное выполнение специальных заданий Правительства» Указом Президиума Верховного совета СССР 31 мая 1945 г. был награжден орденом Красного Знамени. До 1991 г. в Лудзе одна из улиц носила имя Ализаде. См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. 31 июля. URL: <http://nkvd.memo.ru/index.php> (дата обращения: 01.09.2020).

Учеба в школе МВД

<...>

В конце мая 1946 г[ода] меня вызвали в райком комсомола. Секретарем райкома был Смирнов Иван. Партизан-подрывник. Прямой, резкий, честный. Он и направил меня на учебу в Рижскую школу милиции. Я прибыл в Ригу на ул. Заля 1/2 в школу МВД СССР. Ехал трамваем номер 2 до Агенскалнского базара.

Так началась моя новая эпопея. Школа именовалась: Оперативно-следственная школа МВД СССР. Территорию школы приводили в порядок и ремонтировали здания пленные немцы и мы, принятые на учебу. Начальником школы был полковник Захарьят, начальником 1-го курса был Афанасьев. Начальником моего курса — капитан Куш, а замполитом — капитан Цыганов. Капитан Мартинсон¹, из латышских стрелков², читал курс по ведению секретной документации. Майор Урбан³, тоже латыш читал историю ВКП(б) и Основы государства и права. Он рассказывал об убийстве Урицкого, о «врагах народа» Пятакове, Бухарине⁴ и других. Теперь-то я знаю правду. Но тогда мы все верили сказанному.

Урбан подчеркивал, что самое опасное — это дискредитация звания и формы чекиста. Он говорил: «вы будущие работники милиции — лицо советской власти».

Жена Урбана обучала этике поведения за столом, правильному владению ножом и вилкой, поведению в общественных местах.

В школе мы проходили все предметы общеобразовательной программы 7–10 классов и специальную средне-юридическую программу подготовки следователей и оперативных работников МВД.

Обучали, что при допросе надо уважать человека, учитывать его профессию, с кем и как говорить. По-разному со священником, рабочим, интеллигентом, необходимо учитывать лексику допрашиваемого. Обучали тому, что в работе надо знать и учитывать национальные традиции разных

¹ Мартинсон (Мартынсон) Петр Густавович — в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1922 г.

² В 1915 году, во время Первой мировой войны, из жителей Лифляндской, Курляндской и Витебской губерний было сформировано 8 латышских полков. Общая численность стрелков составила около 40 тыс. Большинство из них поддержали Октябрьскую революцию. В апреле 1918 г. сформирована Латышская дивизия. Это была первая регулярная часть Красной Армии. Латышские стрелки охраняли Ленина, они подавили мятеж левых эсеров в июле 1918 г. Красные латышские стрелки сражались в качестве ударных частей на различных фронтах Гражданской войны.

³ Урбан Михаил Осипович. Родился в 1894 г. в Латвии, в дер. Слутишки Двинского уезда. В Красной Армии с 1919 г. В годы Великой Отечественной войны начальник штаба 233-го полка НКВД. Награжден двумя орденами Красного Знамени. См.: URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=1510011363&tab=navDetailManCard> (дата обращения: 01.09.2020).

⁴ М.С. Урицкий (1873–1918) — председатель Петроградской ЧК. Убит 30 августа 1918 года Л. Каннегисером. Н.И. Бухарин (1888–1938) и Г.Л. Пятаков (1890–1937) — советские политические, государственные и партийные деятели, репрессированные в конце 1930-х гг.

народов. Мы изучали логику и психологию. Изучали спецдисциплины: работа с агентурой, ведение следственной и секретной документации, после таких занятий пронумерованную тетрадь надо было сдавать на хранение и получали ее только на следующем занятии.

Мы изучали криминалистику по учебнику криминалистики, который вышел во время войны. Автором, кажется был, комиссар милиции 3-го ранга Буданов или Баданов. Он был одним из руководителей Ленинградской милиции. Было много огневой подготовки: стрельбы из автомата ППШ, пистолета ТТ и нагана, ручного пулемета, метали гранаты. Каждый день физподготовка, обучали боевому САМБО.

Приятной неожиданностью оказалось то, что одним из заместителей начальника школы оказался капитан Муля Вайспап, лудзенский¹. Он был в Гороховецких лагерях и в Латышской дивизии вместе с моим братом. Вайспап руководству школы дал на меня хорошую характеристику.

После принятия присяги через две недели я встретился с родителями, которые приехали в Ригу. Я уже был в полной курсантской форме и пользовался на улицах Риги привилегиями, так как нас курсантов школы МВД не могли задерживать военные комендантские патрули. Мы не подлежали никакой проверке без разрешения нашего начальства. <...>

Вместе со мной учились ребята из разных районов. Мы были первыми курсантами из Латвии. Учились со мной Володя Сориц, Леша Дегтярев, Миша Маточкин, Ермолай Пеличев, Леня Тихонов, Николай Рыбаков, Марфичев, Смирнов, Следзевский, Ионов, Логинов, Степанов, Абрамсон, Гуркин, Минин, Виноградов, Марченко и другие. Очень подружились с Ваней Ермаком и Михаилом Суворовым. Фамилии некоторых я забыл, но знал многих, и кто где работал после окончания школы. Я с ними встречался, а некоторые из ребят погибли во время боевых операций, которые проводили курсанты, и даже уже во время службы от рук местных бандитов.

В конце октября — начале ноября 1946 г[ода] всех курсантов собрали: в школу приехал министр МВД ЛССР². Он объяснил, что появились группы бандитов-диверсантов 18—30 лет. В основном одеты в черные костюмы и кожаные куртки, или черные пальто, головной убор шляпы или темные береты.

Все вооружены пистолетами. Нашей школе поручено во главе с оперативными преподавателями ликвидировать эти группы до октябрьских праздников. Всех нас перевели в особый режим по госбезопасности. Были

¹ Самуил Вайспап (1903—1983) — гвардии капитан. Служил в 323-м полку 308-й Латышской гвардейской стрелковой дивизии. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». См.: URL <http://podvignaroda.ru/?#id=33358509&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 01.09.2020).

² Эглит Август Петрович (1896—1966) — в 1944—1951 гг. нарком (министр) НКВД (МВД) Латвийской ССР. Генерал-майор. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом «Знак Почета».

созданы группы наблюдения и опергруппы, а также патрули. Мне, конечно, стало грустновато. Я не столько думал о себе, главное думал о маме с папой. Не дай Бог... Что им делать! Утром мы были уже переоснащены. Каждому из действующих групп выдали пистолет ТТ, автомат ППШ, переодели в полевую форму солдат внутренних войск с красными погонами. Так мы тройкой вышли на первую боевую операцию. Было более 20 групп по три человека. Я и другие мои товарищи патрулировали Задвинье¹, особенно район площади Победы, где были трибуны. Было подозрение, что там могут заложить взрывное устройство во время праздника. На второй день мы начали патрулирование в 16 часов. Группа, в которой был я, патрулировала по улице Лагерной, около кинотеатра «Палас» у Агенскалнского рынка. Две группы пересекали улицы у этого кинотеатра. В 18–19 часов появилось много людей. Среди них мы увидели одетых по описанию. Две наших группы подошли к нескольким подозрительным, их было человек 6–7. Я с двумя товарищами стоял в метрах 20–25 и наблюдали. Разговор слышен был громкий и требовательный со стороны старших групп. Вдруг раздались выстрелы. Мы подбежали. Увидели, что один наш курсант лежит на тротуаре, остальные стреляют короткими очередями в сторону нескольких бегущих. Люди вокруг кричат, разбегаются. Я увидел, как какой-то мужчина перескакивает через забор, за ним бежит еще один и отстреливается из пистолета. Я дал короткую очередь и, видимо, ранил бандита, он заковылял после моих выстрелов. Кузьмин дал еще очередь, и крепко попал в него, человек упал с забора. Остальные бежали. Но еще двоих задержала другая группа. Таким образом, мы поймали троих. Но наш курсант Вилцан Арнольд был тяжело ранен. Мы несли его в школу, он скончался по дороге, хотя дорога составляла всего метров 700. В эту же ночь наши преподаватели-оперативники допрашивали задержанных. Вероятно, они рассказали, где могут быть остальные из этой бандгруппы. Я, в числе примерно 20 человек, на двух машинах, уже с собаками помчались в сторону взморья. Один из задержанных был с нами. Ехали недалеко. Около станции Засулаукс², по дороге к «Засулаукс мануфактура»³, остановились и двинулись в сторону дома, на который указал задержанный. Спокойно подошли к дому. Помню, было три окна, дверь. Собаководы, их было трое, встали возле окон. Бандита заставили постучать в дверь. Кузьмин держал пистолет на взводе у виска бандита. Задержанный по-латышски сказал: «Открой, я Эдгар. Еле до вас добрался». Дверь открыли, и мы вчетвером ворвались в дом, сильно ослепили всех трофейными немецкими фонариками, стекла в окнах в секунду были разбиты, и три овчарки прыгнули в окна и ринулись

¹ Задвинье (Пардаугава, *Pārdaugava*) — название районов Риги, расположенных на левом берегу Даугавы.

² Засулаукс — железнодорожная станция в микрорайоне Засулаукс в левобережном предместье Риги.

³ Название бумажной фабрики.

на бандитов. Один пытался выхватить пистолет, но Кузьмин выстрелом из «ТТ» опередил его и тяжело ранил. Это, как оказалось потом, был их главарь, кажется, по фамилии Эглиньш. Остальных взяли. Нашли много гранат и несколько часовых мин. Привезли в школу. В ней уже было много курсантов, которые возвра-щались после патрулирования, но Вилцан лежал в классе 2-го курса на столе. Это была трагедия. Всех бандитов мы сопровождали по классам и допрашивали вместе с преподавателями. Я вместе с Кузьминым сопровождал одного задержанного. При допросе один был очень трусливый, и на этом основании было выяснено, что около трибуны в день праздника будет заложена часовая мина. Таким образом мы предотвратили возможный взрыв в день 7 ноября. Всем участникам операции была объявлена благодарность. Состоялись похороны Вилцана. Похоронили его на воинском кладбище в Риге по улице Виенибас Гатве, недалеко от нашей школы. А жизнь продолжалась. Мы приступили к занятиям.

<...> Однажды в школе был бал. Замначальника школы Цыганов пришел со своей семьей: женой Ольгой Ларионовной и дочкой Светой. Ей было столько же лет сколько и мне. Я был в парадной форме, вроде красивый парень. Я познакомился с девушкой, а после впервые провожал «барышню» домой. Мы начали встречаться. В одно из увольнений со Светой мы пошли (первый раз для меня) в театр русской драмы на спектакль «На бойком месте». <...>

В школе появление девушки, которая интересовалась курсантом МВД, считалось очень хорошим тоном, и курсант должен был проявлять к ней максимум внимания. <...>

Однако у некоторых курсантов из-за девушек возникали сложности. Помню, курсант Недопивцев хотел жениться на девушке, работавшей на фабрике «Аврора», однако она была дочерью священника. Его уволили из органов. <...>

Однажды на танцах в парке «Аркадия» подрались с солдатами-танкистами. Задержали всех, но нас, курсантов МВД, быстро отпустили.

Выборы 1947 г.¹

<...> Наступила выборная компания, нам пришлось сопровождать ящики с бюллетенями для голосования. Я, Ваня Ермак и Коля Рыбаков. поехали на лошадях², а с нами член избирательной комиссии. Опять в тре-

¹ В январе 1947 г. проходили выборы в Верховный Совет Латвии, в феврале выборы в Верховный Совет СССР. В докладе от 29 января 1947 г. министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берия и А. А. Кузнецову о выполнении мероприятий по обеспечению порядка и безопасности в дни подготовки выборов в Верховные Советы республик <...> Литовской, Латвийской, Эстонской ССР <...> «Для усиления борьбы с уголовной преступностью в городах Рига и Лиепая направлено 105 курсантов школы милиции. <...> с 1 по 20 января с. г. убито: бандитов 12, арестовано бандитов 34». См.: НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем... С. 378.

² В санях.

воге и опасении, едим по лесу и вглядываемся, все начеку. Объехали много хуторов, выполнили работу по голосованию и возвращались обратно на избирательный участок в сельсовет. Проезжаем густой перелесок у одного небольшого замерзшего озера. Около озера банька. Вдруг из бани нас обстреляли. Член избирательной комиссии схватил ящик с бюллетенями, прыгнул с саней и побежал по дороге вперед. А мы остались втроём. Я был старший и принял незамедлительно решение уничтожить баню вместе с теми, кто там был.

Бросили три гранаты — бани как не было. А с другой стороны опять начали стрелять. Оказалось, что пока мы их окружали, один из бандитов был вне бани. Мы его даже не заметили. Расстояние было от нас до бандита максимум 50–70 метров, мы его хорошо видели и решили взять живым. Он гнался за урной с бюллетенями. Транспорта у него не было. Он запрятался от нас в каком-то углублении. Мы огнем из автоматов не дали ему головы подняться. Он бросил автомат в сторону и начал кричать по-немецки: «Нихт шиссен»¹. А Николай Рыбаков, из фронтовиков, ему в ответ: «Хенде Хох»². Взяли его живым. В бане нашли двух убитых бандюг, положили их в сани, третьего связали и положили рядом с собой. Потом догнали члена избирательной комиссии и приехали в сельсовет. Как оказалось, захваченный нами был немцем, говорил, что его семья где-то в Кенигсберге³. Все просил нас не убивать его. Мы его сдали в отдел милиции в Либаве⁴.

Война после войны

<...>

Нас направили в карательную экспедицию по лесам Курляндии. Это была уже вторая командировка. Однажды утром, кажется, в марте или начале апреля, сразу после завтрака, курсантов построили на строевом плацу. Начальник школы зачитал приказ, в котором говорилось, что в связи с активизацией националистических банд фашистских недобитков, курсанты направляются на борьбу с ними. Вслед за начальником школы выступил министр внутренних дел Латвии Эглит. То, что мне запомнилось, звучало примерно так: «Многие из вас пришли в школу милиции из истребительных батальонов, многие сражались на фронте, лучшие из комсомольцев направлены на учебу райкомами комсомола и отделами внутренних дел. Мы оказываем вам большое доверие, направляем для помощи районным

¹ «Не стреляйте» (нем.).

² «Руки вверх!» (нем.).

³ Кенигсберг — основан в 1255 г. Столица Восточной Пруссии. С 1946 г. — Калининград (РСФСР).

⁴ Либава, ныне — Лиепая. Город на юго-западе Латвии на побережье Балтийского моря. (Первое упоминание — Лива в 1253 г., с 1795 г. — Либава, с 1917 г. — Лиепая). Один из незамерзающих портов Балтийского моря.

отделам внутренних дел. Враг, с которым вы встретитесь, хитер и коварен. Партия уверена, что вы справитесь с заданием».

Я попал в группу, которую направили в Руцавскую волость Лиепайского уезда¹. Там еще скопилось много всякой нечисти, оставшейся от Курляндского котла². Среди них было много скрывавшихся бандитов, бывших полицейских, принимавших активное участие в расстрелах евреев Прибалтики, эсэсовцев из латышского легиона. Нам предоставили чрезвычайные полномочия, так как мразь, с которой нам придется встречаться, особо опасная, беспощадная, поджигала, ловила, убивала всех тех, кто способствовал восстановлению мирного, конечно, Советского порядка. Нас предупредили, что если, не дай бог, кто-то из нас попадет в их руки, они не просто убивают, используют все методы СС. Конечно, после такого инструктажа мне стало страшно, но ничего уже не поделаешь. Каждому курсанту выдали автомат с 6 дисками, пистолет ТТ, по две гранаты. На каждое отделение — по ручному пулемету. Нам объяснили, что при вооруженном сопротивлении бандитов в плен не брать, а по возможности уничтожать на месте. В этот момент я понял, что иду на смерть. Вряд ли выберусь живой. Нам категорически запретили кому-либо сообщать, что мы выезжаем на задание. Я написал десяток открыток домой, но в спешке не подумал, что они придут одновременно все, поставил на открытках разные даты, рассчитывая на месяц и отправил... И, хотя я был комсомольцем, курсантом школы милиции, перед выездом я помолился — конечно, про себя. Я очень хотел остаться живым, хотя бы ради мамочки и папочки. Я был их единственной радостью и надеждой. Нас вновь переделали в форму солдат внутренних войск. Большинство из нас были совсем пацаны. Бывшие среди нас фронтовики называли нас «необструганными карандашами», т. е. еще не заточенными, не обстрелянными, — и вот теперь предстояло нас «заточить». Весь день прошел в подготовке. Ночью мы выехали на 4 машинах, всего около 100 курсантов. Командовал нами начальник курса капитан Куш. Командир опергруппы — фронтовик, имевший боевые награды старший лейтенант Ковалев. Именно поэтому мы, уже сидя в кузове грузовика, были готовы к бою. Когда выехали за пределы Риги, курсантам, сидевшим вдоль бортов машины, было приказано автоматы поставить на боевой взвод, держать их наизготовку, направив в сторону дороги. Настрой был тревожный, но рядом со своими товарищами боевой. Ехали по ночной дороге, примерно в 5 утра приехали в Либаву³. Проезжали ночной город и кое-где видели следы боев и бомбежек 1941 и 1945 годов. Приехали в отдел МВД

¹ Административный район на юго-западе Латвии с центром в г. Лиепая.

² Курляндский котёл образовался в результате блокады группировки немецких войск на западе Латвии (Курляндии). Жестокие бои продолжались на протяжении всей блокады. Лишь 9 мая 1945 г. Красная Армия заняла Лиепая. Эсэсовские части, остатки латышского легиона СС продолжали драться вплоть до 20–25 мая 1945 г.

³ Лиепая, но папа написал именно «Либаву».

езда, там уже знали, что мы прибудем. Позже узнали и жители. Говорили: «чекисты приехали». В сопровождении местного оперработника каждая машина отправилась по назначению. Расположились в машине по 25 человек. С каждого борта по 8 человек с обзором в сторону дороги, туда же вновь направлены автоматы на боевом взводе, а также ручные пулеметы. Ехали по лесным дорогам. Душа ушла в пятки, как говорят. Доехали удачно в разные лесничества вблизи границы с Литвой и морем. Было холодно и морозно, но мне было тепло от напряжения и ожидания неожиданностей. Две машины, два наших взвода расположились в лесничестве. День прошел быстро. Мне выпало дежурить с четырьмя товарищами по курсу в первую ночь. Т. е. наружное дежурство-караул возле дома и двора лесничества. Остальные отдыхали, не раздеваясь, с автоматами и другим оружием наготове. На другой день получили приказ провести первую операцию прямо на границе с Литвой. Прочесать территорию и проверить несколько хуторов. Вышли в лес двумя группами по 20 человек в рассыпную, цепью, и добрались до какого-то хутора. Видны были два каких-то домика и сарай. Двигались молча. Я шел где-то в середине. Вдруг залаяли собаки, и по нам ударила автоматная или пулеметная очередь. Ковалев крикнул: «Ложись». А мы и так попадали наземь от неожиданности. Но все-таки мы окружили хутор, стрелять не стреляли. Слядзевский, бывший партизан, крикнул полатышски, что хутор окружен, и предложил сдаться. Но не тут-то было. С чердака сарая стрельба продолжалась. Мы ползком, по-пластунски стали двигаться к сараю и дому. Добрались, и кто-то бросил гранаты в сарай — он загорелся. Стрельба прекратилась. Мы начали вставать, и тут началась стрельба из дома. Двух наших ребят, почти рядом со мной, тяжело ранило в грудь и голову. Удивительно, что в этот момент у меня не было никакой паники и страха. Мы их оттащили в сторону, перевязали. Видим, что какая-то женщина из другого строения бежит к дому, из которого стреляют, и что-то несет. Дали длинную очередь, но она скрылась за стеной дома. На этот раз мы открыли огонь все. Под огневым прикрытием двое наших забрались на крышу и бросили гранаты в дымовую трубу. Раздались взрывы, стрельба из дома прекратилась. Дом загорелся, из дома выскочило несколько бандитов, но их тут же подстрелили по ногам. Оцепление мы не снимали. Когда огонь стал меньше и догорали крыша и стены, нам пришлось уточнить сколько же было уничтожено. Трех мы ранили в ноги, нашли пять трупов. Несколько убитых были в потрепанных немецких кителях, судя по нашивкам — из латышской дивизии СС. Начали осматривать территорию хутора. В погребе рядом с сараем обнаружили двух пожилых мужчину и женщину. Это были хозяева хутора. Там же и трех молодых женщин. Старики молчали, а женщины плакали, кричали на нас. В метрах 100–150 нашли целый склад боеприпасов. Он оказался отрезанным от бандитов нашим оцеплением, когда мы окружили хутор. Поэтому, на наше счастье, гранаты тоже оказались в этом погребе, и бандиты не смогли ими воспользоваться.

Погрузили наших раненых ребят, захваченных живых и мертвых бандитов, арестованных на машины и повезли. Один из наших, раненный в голову, умер в дороге. Второго отвезли в больницу. Мертвых и живых бандитов и задержанных гражданских передали в отдел МВД в Руцаве¹. Я, слава богу, остался невредим, пули пролетели мимо. На машинах мы вернулись на место нашей дислокации в лесничество. Через пару дней нам сообщили, что две другие наши группы тоже ликвидировали несколько банд.

Война продолжается 2. Смертельное дежурство

Не каждый день я выезжал на операции. В лесничестве оставались дежурные. Однажды мы дежурили с моим другом Иваном Ермаком. Сели чистить картошку. Оружие, зная обстановку, держали наготове. Прошло несколько часов, мы уже разожгли плиту для варки мяса и картошки. Вдруг услышали выстрелы, и они приближались. Мы схватили оружие, Ваня — еще резервный ручной пулемет и выскочили из дома. На койках оставили шинели, в которые положили какие-то вещи, а поверх каски, — будто солдаты спят. Я и Ермак спрятались, пристроили ручной пулемет по направлению к фасаду дома; там были две стены глухие, а третья с сенями, т. е. пристроенный коридор на всю стену и боковой вход. Ермак взял на себя фасад, а я вход в дом. Мы слышали шорох в кустах и какой-то разговор. Увидели двух верзил с автоматами наперевес, идущих к дому. Ермак махнул рукой, т. е. он тоже увидел их. Но этого мало, появились еще двое. Бандиты подошли вплотную к дому, шли медленно, тихо-тихо. Время было около полудня. Трое подошли к окнам, а один ко входу. Ермак взглянул на меня: «Давай!», и дал длинную очередь из пулемета, я тут же из автомата. Трое были скошены, а четвертый пытался дать очередь, но я бросил гранату в его сторону. После взрыва и четвертый замолк, правда, оказался жив, но тяжело ранен. Мы не сразу вышли из укрытия. Спустя некоторое время я и Ваня подошли к раненому бандиту, но он уже только стонал и на наших глазах умер. К вечеру приехали наши курсанты и увидели все, что случилось в их отсутствие.

До отъезда в Ригу наши опергруппы еще несколько раз выезжали на задания и уже возвращались без потерь. По всей местности наших групп боялись. Убитых бандитов было разрешено забирать родственникам, которых после этого часто арестовывали. От имени уездного отдела жители были предупреждены, что те, кто поддерживает и укрывает бандитов, будут арестованы и высланы, а кто будет пойман с оружием в руках, будет убит на месте.

9 мая 1947 г[ода] мы встречали в Руцаве. К нам приехали из нашей школы, привезли письма из дома. Из письма мамы я узнал, что она все мои письма

¹ Руцава — небольшое село в Лиепайском уезде.

получила одновременно и страшно переживает, что со мной. К великому сожалению, я никак не мог сообщить маме и папе, что у меня все хорошо и я жив. В Руцавской волости был создан истребительный батальон и перед возвращением в Ригу мы передали ему часть оружия.

Вскоре мы вернулись в Ригу. И мне на пять дней предоставили отпуск в Лудзу. Для мамы и папы мой приезд был большой радостью. Во время пребывания в Лудзе я ради мамы и папы договорился с начальником уездного отдела МВД, что он даст в мандатную комиссию при МВД запрос направить меня в распоряжение Лудзенского УМВД для оперативно-следственной работы, так как мои родители проживают здесь и являются родителями погибшего воина.

Учебу закончил, учебу продолжил

<...> После возвращения из очередного задания мы продолжили учебу. Стипендия у нас была 410 рублей. Я ежемесячно отправлял 200–250 рублей родителям. Им было в то время материально нелегко.

На втором курсе у нас было много практических и теоретических занятий. Спецдисциплины вел капитан Петраков. Мы три раза в неделю занимались уголовно-розыскной криминалистикой на практике в управлении МВД Риги. Я там встретился с земляком Левкой Франком¹, он был в то время начальником криминалистической лаборатории и неоднократно помогал мне в быстром выполнении криминалистических экспертиз.

Я занимался хорошо. Мне было интересно. В тире стрельбу каждый раз сдавал на 4–5, это дало мне право принимать практические задания у других курсантов и право ношения личного оружия при уходе в увольнение. Это право было не у всех курсантов. И так я входил в самостоятельную работу на практике при Главном управлении МВД Риги.

Я имел полную возможность остаться после окончания школы в Риге. Но для меня было главным не оставлять родителей. При окончании школы на мандатной комиссии мне прочитали два запроса: один из Главного управления МВД Риги, второй — из отдела МВД Лудзы. Я ответил, что родители в Лудзе и я выбираю Лудзу. Начальник школы зачитал приказ о присвоении мне звания мл[адшего] лейтенанта и приказ Управления об утверждении меня в должности оперативно-следственного работника МВД СССР по Лудзенскому уезду ЛССР. Я вышел с территории школы в штатной форме лейтенанта уже с личным номерным оружием. В Лудзе я получил назначение на должность старшего оперуполномоченного по межволостному отделу Звиргзденской, Цыбленской и Пылденской воло-

¹ Лев Вульфвич Франк (1920–1978) — лудзенец, доктор юридических наук, основатель советской виктимологии — науки, исследующей проблемы жертв преступлений. Старший брат известного кинорежиссера-документалиста Герца Франка.

стям. Начальником отдела был старший лейтенант Иониченок. Он был хороший человек и относился ко мне с уважением. После назначения я получил отпуск на один месяц с выплатой первой зарплаты и компенсацией 850 рублей. Только за звездочки я получал 375 рублей. Это были для нас очень большие деньги.

Еще до приезда в Лудзу я принял решение учиться дальше, и еще в Риге, окончив двухгодичную школу средних оперативно-следственных работников, я поступил на заочное отделение Рижской школы начсостава МВД СССР. Рекомендации я получил от самих преподавателей школы и зам[естителя] начальника школы Цыганова. Таким образом я сразу продолжил учебу.

Будни оперуполномоченного

<...> В один из дней (это было в конце зимы, начало весны) ко мне поступило сообщение, что на одном из хуторов была ограблена крестьянская семья. Я с опергруппой прибыл на место. Первое, что мы слышали, были крики и стоны из погреба. Открыли и вытащили оттуда старика и старушку, хозяев хутора. Фамилия их была, кажется, Кривман или Кривманис. Они были связаны и загнаны в погреб бандитами, которые ограбили их, увели скот и лошадь. Примерно через неделю ко мне на работу прибежал старик и сообщил, что один из участников ограбления гуляет по рынку. Я немедленно пошел со стариком на рынок. Старик показал на стоящего у прилавка мужчину. Я подошел сзади, ткнул пистолетом в спину и предупредил, что, если шевельнешься, буду стрелять. И тут же выстрелил в воздух и опять ствол в спину. Сразу же на выстрел подбежал милиционер Иванов, который обыскал бандита. Он назвал себя Каткевич. При его обыске изъяли из кармана пистолет, а из сапога нож, привели в отдел.

Началось следствие. Когда мы Каткевича взяли в оборот, он на допросе признался, что знает еще двух соучастников — братьев Микожан, которые проживают в Селиково рядом с Лудзой.

Начальник уг[оловного] ро[озыска] Гехт принял решение о захвате этих двух бандитов. В операции приняли участие сам Гехт и следователь Андреев — крепкий, двухметрового роста. С Каткевичем был договор, что под угрозой расстрела он постучит в дверь Микожанам и скажет, что пришел по срочному делу. Остановившись примерно за километр от места проживания Микожанов, пошли пешком. Гехт, Андреев и я. Каткевич постучал, однако крикнул, что здесь милиция. Тут же в ответ раздалась автоматная очередь, но никого не задела. Андреев оглушил Каткевича. Через окна ворвались истребки. Тут же темноте в драке были схвачены оба Микожана и какая-то женщина. Нашли керосиновые лампы — стало светлее, и мы приступили к обыску. Было изъято оружие. Схваченных привезли в отдел МВД. Особенно нагло вел на допросах вел себя Антон Микожан.

За это задание я лично получил награду — полумесячный¹ оклад. Такие операции были еще.

<...> Операция по захвату бандита Герасимовича в Пилденской волости². Было это летом 1948 года. Ехали на велосипедах «Эренпрайс» — отличные велосипеды выпускались в Латвии до 1940 г[ода], с участковым уполномоченным Репшем в Бродайжский сельсовет³. Грунтовка шла через Ругайжский бор. Репш, бывший рабочегвардеец⁴, воевал в латышской дивизии, был ранен. До 1940 г[ода] возчик песка для подрядчиков на стройке. Жил Репш в Пилде. Там же жил командир взвода местных истребков Кудрявцев, был хороший боец Касаткин. Начальником межволостного отделения МВД был Будревич, серьезный младший лейтенант — фронтовик. В Пилденскую волость входили Пилденский, Бродайжский, Ньюкшенский сельсоветы. Ехали мы открыто в милицейской форме.

Имели задание поймать Герасимовича, лет 20. Он убил парторга волости Строганова. Обстрелял во время выборов избирательный участок. Считался опасным бандитом. Герасимович однажды уже был пойман, но бежал.

Надо было узнать, где скрывается и бандит Йёнишкан, лет 40, был при немцах полицейским в Нирзе⁵. За ними числились расстрелы евреев в Пилде — семьи аптекаря, фамилии не помню.

В одной деревне был свой человек Злакоманов, и мы ехали к озеру на встречу с ним. В километрах полутора от сельсовета вдруг по нам из леса стреляют из винтовки. Соскочили с велосипедов, выхватили оружие: у меня ТТ, у Репша — наган, вначале залегли, а потом бросились в сторону, откуда стреляли. Мы даже увидели стрелявшего, но не догнали. Вернулись к велосипедам, поехали к озеру. Встретились со Злакомановым. Он рассказал, когда Герасимович бывает дома. По пятницам приходит к родителям, мо-

¹ Т. е. половину месячного оклада.

² Пилда — деревня в Лудзенском районе, в 17 км от города Лудза.

³ Бродайжа — маленькая деревня в Пилдской волости.

⁴ Рабочая гвардия — добровольные вооруженные отряды сторонников советской власти в Латвии. Рабочая гвардия была создана 2 июля 1940 г. В городах по месту жительства и работы создавались батальоны, роты, взводы Рабочей гвардии. Рабочегвардейцы имели собственную форму: синяя гимнастерка, шоферская фуражка с красной звездочкой, портупея, ходили в сапогах. Рабочегвардейцы не находились на казарменном положении. Они охраняли предприятия, электростанции, партийные и советские учреждения. Общая численность достигала 10 тыс. человек. 14 мая 1941 г. Рабочая гвардия была распущена, а с началом войны, уже 24–25 июня, была восстановлена. Роты и батальоны рабочегвардейцев сражались с первых дней войны с диверсантами и националистическим пронацистским подпольем в Лиенае, Елгаве, последними уходили из Риги, прикрывая отход частей Красной Армии. На основе остатков батальонов и рот рабочегвардейцев, ушедших в Эстонию вместе с Красной Армией, созданы 1-й и 2-й отдельные латышские истребительные полки. Рабочегвардейцы, выжившие в первых тяжелых боях июня — июля 1941 г., в августе 1941 г. вступили в формируемую в Гороховецких лагерях Горьковской области Латышскую стрелковую дивизию.

⁵ Нирзе — небольшой поселок, центр Нирзенской волости Лудзенского уезда в 20 км от Лудзы.

ется в их баньке. После встречи поехали к еще одному нашему знакомому крестьянину Бондареву, который открыто поддерживал советскую власть. Очень хорошая семья. У него же и заночевали. Спали с пистолетами под подушкой.

Председатель сельсовета Гернов, без одного пальца, был партизаном, сын его погиб случайно: нашел снаряд или мину в лесу и подорвался. Мы часто ночевали в поездках у Гернова, он жил неподалеку от большака.

Крестьяне помогали нам, хотя боялись. Но они хотели мирной жизни, мешали бандиты.

Поехали обратно в Пилду. Оттуда в Лудзу нас повез на телеге, в которую положили и велосипеды, Мекш. Его сыновья при немцах служили в полиции, а в 1944-м ушли в лес. В 1949 г[оду] Мекша выслали.

Приехав в Лудзу, в отдел, написал обо всем рапорт начальнику отдела УМВД Иониченку.

По поимке Герасимовича создали спецгруппу во главе с Рубановым — старший лейтенант, фронтовик, Климов — боевой парень, в огонь и в воду, позже застрелился. Будревич, Репш и я. В пятницу поехали на подводах устроить засаду у дома. Все были одеты в зеленые армейские гимнастерки без погон. Приехали вечером, уже смеркалось, часам к десяти. Вместе с Репшем и Будревичем я находился у бани, рядом пруд, сарайчик. Это была вторая охота на Герасимовича. В 1946 г[оду] он бежал из дома через окно в лес. Был он очень смелый, здоровый, верткий. Рубанов находился прямо в доме. Герасимович пришел один, и, когда он начал раздеваться, Рубанов его схватил. Посадили Герасимовича у стола; от радости, что схватили бандита, мы по глупости присели рядом с ним. Он начал с нами говорить, что, мол, собирался и сам сдать, что нет смысла подвергать опасности отцовский дом. Вдруг вскочил, оттолкнул сидящих рядом и прыгнул в окно. Рубанов все-таки успел в него несколько раз выстрелить из ТТ.

Вот так Герасимовича поймали живым, а увезли мертвеца в отдел. С Йо-нишканом покончили позже, это было без моего участия; кажется, его убили его в Нирзе в ходе перестрелки.

<...> Помню случай, когда нескольких бандитов взяли в бане. Они приходили из лесу мыться. Видим от дома к бане две фигуры. Вошли в баню. Через несколько минут Рубанов и Климов ворвались в баню. Взяли голыми. Климов ударил его. В Пилде были до рассвета у истребков. Ночью опасно было везти. А утром поехали в Лудзу.

<...> Однажды получили агентурное сообщение, что разыскиваемый бандит Можейко находится в деревне Циблской волости, обычно ночует в сарае. В августе 1948 г[ода] выехали вчетвером — я, Селиванов Петр, Ваня Ермак, Базанов — для выполнения оперативного задания. Я стоял у сарая в торце, а Базанов и Селиванов вошли в сарай. Неожиданно на меня с крыши кто-то прыгнул — упали оба. Прыгнувший, вероятно, не знал, что я стою внизу. Автомат у меня был на взводе и произвольно дал очередь.

Тут же подбежал Ермак и прикладом ударил бандита, и он свалился с меня. А Селиванов и Базанов схватили, вытащили из сена женщину и еще одного бандита. Это и был Мажейко.

В Криванде¹ Циблской волости ликвидировали одну банду. Среди них были те, кто при немцах были шуцманами. В составе нашей группы были начальник Отдела У[правления] М[инистерства] В[нутренних] Д[ел] Иониченок, Лазарев из Уг[оловного] Ро[зыска], Коротченко, Аглиш Андрей, Стрельч (из Погулянки, всегда голодный), Базанов. В Цибле присоединились истребки. Все нас было человек двадцать. Мы были вооружены автоматами, было несколько пулеметов.

Было два или три бункера, расположенных почти рядом, в которых находились бандиты. Мы окружили бункера. По сигналу ракеты Иониченка открыли огонь. В ответ тоже автоматный и пулеметный огонь. Кто-то крикнул: «Сдавайтесь, вы окружены! Выходите без оружия!»

Вдруг из бункера выскочил юноша, стреляя из винтовки. Его ранили в ногу, он начал кричать. Иванов бросился к парню, но в этот момент раздался выстрел: Иванов был ранен в икру ноги. Парень кричал по-латышски: «Es ienīstu būt nolādēts!» («Ненавижу, будьте прокляты»). Но все-таки парня перевязали.

Прямо под огнем выскочила и девушка лет 18, красивая. Была ранена в низ живота. Перевязали. Бункеры забросали гранатами. Было семь или восемь убитых бандитов. Трупы привезли в Циблу, а потом в Лудзу. Лежали в сарае во дворе милиции, рослые, под два метра. В немецких френчах.

Девушка умерла по дороге. Парень и девушка, как потом оказалось, были учениками из Циблской школы.

За связь с бандгруппой был арестован ксендз из Циблы, во время обыска, проведенного по наводке кого-то из местных крестьян, на колокольне костела в Нюкши² был найден пулемет.

Иванов был награжден золотыми часами.

Я продолжал заочно учиться в школе начсостава милиции МВД. Меня пригласили на экзаменационную сессию. Я уехал на две недели в Ригу. Сдал экзамены, зачеты, меня перевели на третий курс.

В 1948 году в Лудзу стали приезжать граждане, ввезенные немцами в Латвию. Мне добавили обязанность работать в паспортном отделе оперуполномоченным по особым делам лиц без гражданства. Однажды явилась на регистрацию немка по фамилии Волгемут, зубной врач по профессии. Она была очень интеллигентной, оказалась в фильтрационном лагере, из которого направили в Лудзу для проживания и постановки на учет. Я ей

¹ Криванда — деревня (несколько хуторов) в 26 км к востоку от Лудзы, на самой границе с Псковской областью. К хуторам примыкают большой лесной массив и болото.

² Нюкши — поселок в 11 км от Лудзы. Костел Петра и Павла построен в 1765 г., перестроен в 1922 г.

уделил особое внимание и освободил от ежемесячной перерегистрации в паспортном столе, и оформил ей свободное проживание с правом трудоустройства по специальности. Волгемут начала работать зубным врачом. Впоследствии она оказалась лучшим врачом района, получила гражданство СССР и осталась на жительство в Лудзе. Много было на этой работе у меня интересных встреч. Вплоть до увольнения я оказывал людям посильную помощь, когда видел, что они ни в чем не виноваты, но оказались также пострадавшими от независящих от них обстоятельств. Со мной работала начальник паспортного стола Эмма Молоканова, которая потом стала работать в Риге в Московском районном отделении паспортного стола. В 70-е годы встречался с начальником главного управления паспортного стола Латвии уже полковником Пеличевым Ермолаем, с которым вместе учились в школе МВД.

Убитых не вернуть, а вещи возвращаются

На работе я был активным. Во время одной из оперативных поездок по деревням и хуторам в деревне Петерки Бродайжского сельсовета в доме одного крестьянина обнаружил шкаф, буфет из нашего дома. Я спросил у хозяина, откуда у него эти вещи. Хозяин очень испугался и ответил, что после расстрела евреев в Лудзе на торгах продавали их имущество. Я ему объяснил, что это имущество моих родителей, а мы, слава богу, не расстреляны, и приказал ему в течение 24 часов доставить эти вещи по адресу Крышьяна Барона 5, в семью Шнеер. Немецкие законы при советской власти не имеют силы, и предупредил, что если он не выполнит мое распоряжение, то к нему будут приняты административные меры. Назавтра все вещи были привезены.

<...>

Жена и боевая подруга

6 июля 1948 г[ода] мы с Мусей пошли в ЗАГС и подали первое заявление. Еще до подачи я отправил рапорт с просьбой разрешить брак с Мусей в спецотдел М[инистерства] В[нутренних] Д[ел]. Мне дали анкету с вопросами на 56 страницах, которые я был обязан заполнить. Среди вопросов были и такие: что делали, чем занимались наши родители до 1917 года? Были ли в немецкой оккупации? Служили ли мои родственники в царской армии, где были в годы Гражданской войны? Есть ли родственники за границей?

После подачи заявления папа и мама встретили нас в нашем доме по ул[ице] Крышьяна Барона 5 цветами, были зажжены свечи, накрыт праздничный обед, и мы скромно, но прекрасно отметили наше торжество. Родители Муси прислали из Киева поздравительную телеграмму.

Время послевоенное. Еще ничего не было нажито. Родители выделили нам одну комнату. Спали мы на солдатской железной узкой кровати, которую по моей просьбе мне выдали в армейской казарме, находившейся в бывшей гостинице Лоцова¹, неподалеку от нашего дома на углу Вокзальной и Крышьяна Барона. В казарме располагалась специальная рота внутренних войск для проведения крупных операций при борьбе с еще действовавшими в районе бандами.

Я всегда ходил в офицерской форме, вооружен пистолетом «ГТ». Бывали тревожные ночи. Меня вызывали на различные операции по поимке преступников при совершении различных уголовно-политических преступлений в Лудзенском уезде. Поэтому всегда, когда я ложился спать, рядом с кроватью на стуле лежали галифе, китель, иногда гимнастерка, ремень, портупья и кобура с пистолетом, рядом на полу — сапоги. Все располагалась так, чтобы в случае необходимости, я вмиг мог быть в боевой готовности. На полу рядом стоял полевой телефон, который мне поставили для оперативной связи.

Папа работал наборщиком в типографии до двух часов ночи. Мама ходила его встречать, я порой отсутствовал и ночами, Муся оставалось дома одна, и это тоже вызывало тревогу.

Однажды ночью вдруг начали сильно стучать в дверь, вход в дом был со двора, кричать: «Шнеер, открой, иначе дверь сломаем». Я вскочил и быстро уложил родителей и Мусю на пол, сам с пистолетом в руке выскочил в окно, выходящее на улицу, бросился во двор и услышал, как автоматная очередь ударила во входную дверь. Но пока я перескочил через забор, у двери никого уже не было, а наискосок дверь была пронизана пулями. Двор уходил далее в большой сад нашего соседа Павла Николаевича Рутковского, там и скрылись напавшие или напавший. В темноте в саду никого уже не было видно. Видимо, решили меня просто напугать. Я побежал в гостиницу к солдатам, мне выделили трех бойцов, но поиски оказались бесполезными. Родители, Муся были очень напуганы, плакали, как мог, я их успокаивал. Мусинька стала моей настоящей боевой подругой. Конечно, она и родители очень переживали, когда я уходил на работу, когда вызывали ночью, но такова была жизнь те годы.

В конце апреля 1949 г[ода] меня пригласили на беседу в отдел кадров. Из беседы с начальником отдела Баженовым мне стало ясно, что он проявляет интерес к моим родственникам, проживающим в Америке. Речь шла о маминном брате дяде Муле Гольдберге, который уехал в Америку в 1912 году и жил во Флориде². Об этом я писал в соответствующих анкетах при поступлении в училище МВД и при просьбе о разрешении на брак. Плюс к этому обратили внимание на то, что брат моего тестя в 1905 году тоже уехал в Америку

¹ Лоцев, владелец гостиницы, высланный 14–15 июня 1941 г.

² Флорида — штат на юго-востоке США.

из России, о чем, со слов жены, я также указал в спецанкете при подаче заявления о женитьбе. Три года назад мои заграничные родственники не помешали мне поступить в училище и потом бороться с бандитизмом. Теперь все изменилось. Это было время борьбы с космополитизмом¹. Из беседы я понял, что меня подвергают проверке на лояльность. Из вопросов можно было сделать вывод, что будет дано заключение, что мой отец переписывается с родственниками в Америке, что работнику МВД это категорически запрещено. Но кроме того, в беседе Баженов впервые проявил себя ярким антисемитом, заявив мне, что все евреи торговцы, что евреи пролезают в МВД и в армию на руководящие должности и от них избавятся.

<...> 1 сентября 1949 г[ода] я, как обычно, пришел на работу к 9 часам утра. На моем столе лежала записка о том, что я должен немедленно явиться в отдел кадров. Я пришел, и Баженов вручил мне приказ МВД СССР о моем увольнении из органов и лишении офицерского звания с формулировкой: «Уволен из органов МВД с 1.09.1949». Причина увольнения не была указана. Личное оружие надо было сдать немедленно. Там же в отделе кадров Баженов принял от меня пистолет «ТТ», и я снял погоны. Я был раздавлен, чуть не плакал, ушел домой с огромной моральной болью»².

¹ Процесс моральных и политических репрессий в 1948–1953 гг. против «прозападных тенденций среди советской интеллигенции, которые рассматривались как “антипатриотические”». Начало антиеврейской кампании было положено убийством 12 января 1948 г. Соломона Михоэлса, народного артиста СССР, лауреата Сталинской премии, режиссера советского театра на идиш. Убийство было совершено сотрудниками МГБ СССР по личному распоряжению Сталина. Процесс борьбы с космополитизмом принял выраженный антисемитский характер. Советские евреи обвинялись в «безродном космополитизме», отсутствии патриотизма, происходило массовое увольнение, очищение советских, партийных, государственных, научных, культурных организаций, МГБ, армии от евреев. Проводились аресты научных и культурных деятелей. В это время был ликвидирован Еврейский антифашистский комитет, а 12 его членов — писателей, поэтов, ученых — были расстреляны 12 августа 1952 г.

² Для меня удивительно то, что отношение к папе его коллег осталось неизменным. Более того, вероятно, принимая во внимание его прошлое, обстановку в районе, у папы дома года до 55-го был автомат. Папа оставался в составе бригады содействия милиции. Это как-то не совсем вяжется с общей атмосферой того времени. Папины коллеги-друзья и после его увольнения неоднократно собирались у нас дома. И еще папа всегда был своим в милиции и после увольнения. Я помню, как с ним очень приветливо здоровались, останавливались поговорить начальник милиции Иониченок, инспектор ГАИ старший лейтенант Белый, папины товарищи по истребительному батальону Володя Аглиш и Ваня Ершов, — все они «были своими в доску» и не могли понять, за что уволили папу.

Оглавление

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Асташов А. Б.</i> Русская армия и гражданское население в годы Первой мировой войны: концептуальные проблемы взаимодействия	5
<i>Пахалюк К. А.</i> Политика русского военного командования в отношении гражданского населения Восточной Пруссии в 1914–1915 гг.: опыт взаимодействия в контексте «тотальной» войны	21
<i>Ратьковский И. С.</i> Крымские расстрелы зимой 1917–1918 гг. (по воспоминаниям их участников)	53
<i>Разиньков М. Е.</i> Причины военного коллаборационизма рядового и младшего офицерского состава в регулярных формированиях РККА и антибольшевистских сил 1918–1920 гг.	66
<i>Смиловицкий Л. Л.</i> Холокост как военное преступление (на материале писем и дневников советских евреев 1941–1945 гг.)	79
<i>Фальков Я. А.</i> «Составить списки изменников, предателей, шпионов»: вклад советской партизанской разведки в выявление антисоветских элементов на оккупированных нацистами территориях СССР в 1941–1945 гг.	106
<i>Сак К. В.</i> Изнасилования на Восточном фронте: расследование, преступники и их жертвы	128
<i>Ковалев Б. Н.</i> Особенности взаимоотношений мирного населения и советских военнопленных на Северо-Западе России с военнотружущими вермахта и их союзниками	144
<i>Колотушкин В. Г.</i> Жертвы Жестяной Горки (новые данные из документов государственных архивов Новгородской области)	157
<i>Акоева Н. Б.</i> «Новый порядок» немецкой администрации на территории Краснодарского края в 1942–1943 гг.	171
<i>Деревянко Е. В.</i> Локотской округ самоуправления: этапы и методы реализации политики антисемитизма и Холокоста	181
<i>Реброва И. В.</i> Убийство 214 воспитанников Ейского детского дома: история событий и память о них в (пост)советской России	190
<i>Бернев С. К.</i> К вопросу о достоверности воспоминаний историка и военного преступника Н. Н. Рутченко-Рутыча	213
<i>Чурбанова О. В., Чурбанов А. Л.</i> Трагедия жителей прифронтовых деревень во время оккупации Ржева в 1941–1943 гг.: свидетельство очевидца	226
<i>Приймак А. А.</i> Юрий Липа и расово-медицинские истоки преступлений ОУН — УПА	238

<i>Полуэктов И. Б., Юсупова С. Н.</i> Оуновцы на средней Волге (работа куйбышевских органов госбезопасности в 1941–1945 гг. по пресечению подрывной деятельности членов Организации украинских националистов)	264
<i>Полян П. М.</i> Товарищ походный атаман (новые документы о двурушничестве Тимофея Ивановича Доманова)	272
<i>Эдельштейн М. Ю.</i> Новые документы о массовом побеге из Собибора в июле 1943 г.	283
<i>Романов С. В.</i> Катынь и анти-Катынь: критический анализ современных общественных дискуссий	292
<i>Головашина О. В.</i> Катынь: проблема ответственности в историческом сознании современных россиян	359
<i>Ермаков А. М.</i> Нацистские преступления на оккупированной территории СССР в гражданском образовании ФРГ	372
<i>Данилова Е. В.</i> Преступления в отношении советских военнопленных в культуре памяти современной Германии	386
<i>Захарина Е. А.</i> Память о военнопленных и остарбайтерах в мемориальном пространстве Ростова-на-Дону: формы и практики	400

ДОКУМЕНТЫ

«Война после войны»: воспоминания младшего лейтенанта милиции И. Я. Шнеера о борьбе с латышскими «лесными братьями» (1946–1949 гг.) / <i>Вступительная статья, комментарии и публикация А. И. Шнеера</i>	415
Рядом с убийцами: могильщики (из истории нацистских преступлений в Даугавпилсе в 1941 г.) / <i>Вступительная статья, комментарии и публикация А. И. Шнеера</i>	455
«Дело Оберлендера» 1960 г., коллаборационизм и память о нацистских преступлениях в советском обществе / <i>Вступительная статья, комментарии и публикация К. А. Пахалюка</i>	492
Часть 1. Материалы по подготовке сообщения Чрезвычайной государственной комиссии по «делу Оберлендера», 28 марта 1960 г.	515
Часть 2. Протоколы допросов свидетелей, посвященные преступлениям нацистов и украинских националистов в г. Львове в 1941 г.	569
Часть 3. Протоколы допросов свидетелей, посвященные преступлениям немцев и украинских националистов в с. Михайловка Хмельницкой области и с. Юзвин Винницкой области	607
Часть 4. Протоколы допросов бывших военнослужащих батальона «Бергманн»	626
Часть 5. Письма трудящихся в редакцию газеты «Правда» в связи с «делом Оберлендера»	642